

Наталья Александрова

Тайный знак
судьбы

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Тайный знак судьбы

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Тайный знак судьбы / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ», 2022 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-148650-1

Не один десяток лет наместник великого хана Хубилая правил в далекой восточной стране, богатой дорогими камнями. Каждый год он собирал с этой страны большую дань и отсылал ее повелителю. Но однажды в тех краях поднялся мятеж, и для спасения бесценной дани все богатства были сложены в огромные сундуки и спрятаны в надежном месте. Прошли века, а несметные сокровища никто так и не смог найти. В наши дни в поиски тайника невольно оказалась втянута российская туристка Соня, приехавшая на отдых в Грецию. Неужели недорогой сувенир, купленный ею на местном базаре, и является ключом к местонахождению клада?.. Ранее книга издавалась под названием «Талисман Марко Поло»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148650-1

© Александрова Н. Н., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Наталья Александрова

Тайный знак судьбы

© Н. Александрова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Высокий рыжеволосый мужчина быстро шел по узкой тропинке, вьющейся среди густых колючих кустов. Он тяжело дышал, время от времени вытирая со лба пот.

Солнце поднималось все выше и выше, обрушивая на остров свои безжалостные лучи. Сердце глухо билось в груди, воздух казался сухим и жестким, как пыльная листва. Тропинка круто забирала в гору, а потом пошла вниз. Идти стало немного легче, но жара и усталость делали свое дело. Мужчина пошел чуть медленнее, пытаясь отдышаться, и тут же совсем близко, за поворотом тропинки, услышал приближающиеся шаги.

Его преследователи не спешили, зная, что он никуда от них не денется.

Тропинка снова свернула, и впереди показалась прибрежная деревушка – нарядные белые домики, окруженные фруктовыми деревьями, рыночная площадь.

Мужчина пошел быстрее, у него появилась надежда.

На краю площади скучал греческий полицейский – толстяк с длинными, уныло обвисшими усами, в белом мундире с пятнами от пота на спине. Мужчина подошел к нему и торопливо проговорил по-английски:

– Помогите, меня преследуют грабители.

– Я не понимаю по-английски, – невозмутимо ответил полицейский и демонстративно отвернулся.

Кусты раздвинулись, и на площадь вышли двое – сутулый тип в куртке армейского образца, с длинными черными волосами, собранными в хвост, и лысый коротышка с наглыми масляными глазами. Окинув площадь цепким взглядом хищника, длинноволосый двинулся вперед, коротышка – чуть в стороне от него, держа руки в карманах.

Преследуемый ими мужчина, делая вид, что ничуть не боится, шел мимо лотков с рыбой и зеленью, с овощами и крупными золотистыми апельсинами, с яркими керамическими тарелками и кувшинами, что-то разглядывал, к чему-то приценивался, но спиной чувствовал взгляды тех двоих.

Посредине площади к нему скользнул чумазый смуглый мальчишка лет тринадцати, протянул грязную ладошку и затараторил:

– Денег, добрый господин! Дай мне немного денег, я хочу есть! У меня нет ни папы, ни мамы!

Мужчина достал из кармана несколько монет и сунул в протянутую руку. Мальчишка ухмыльнулся, состроил смешную рожицу и снова залопотал:

– Добрый господин, дай еще! Ты дал мне слишком мало! Мне надо кормить младшую сестренку!

– Хватит с тебя! – Мужчина вытер пот клетчатым носовым платком и огляделся.

Мальчишка подошел ближе, показал рукой на что-то за спиной иностранца. Тот оглянулся и в ту же секунду почувствовал мимолетное прикосновение маленькой руки. Мальчишка уже исчез. Впрочем, мужчине было не до того: двое преследователей неотвратимо приближались, слегка разойдясь, как волки, преследующие раненого оленя, глядя под ноги одновременно равнодушно и внимательно, как будто что-то искали в пыли.

Мужчина миновал площадь и, свернув в узкий переулок, прибавил шагу.

Впереди между деревьями мелькнуло тусклой бирюзой полуденное море. На нем покачивались нарядные прогулочные катера, серые и зеленые рыбачьи лодки. Дышать стало легче, и он пошел еще быстрее.

Внезапно прямо перед ним словно из-под земли возник лысый коротышка. Он широко ухмыльнулся, и на солнце сверкнул золотой зуб.

– Куда ты так спешишь? – Коротышка склонил голову к плечу и оскалился: – Некуда тебе спешить!

Мужчина попятился, но за спиной у него стоял длинноволосый тип, так что отступить было некуда.

– Хватит бегать! – процедил длинноволосый. – По такой жаре это очень вредно. Отдай то, что нам нужно, – и можешь отправляться на все четыре стороны.

– Я не могу вам это отдать! Это не принадлежит мне!

– Тем более! – Коротышка сплюнул под ноги и лениво шагнул вперед. – Если это не твое – так отдай, и мы тебя отпустим!

– Я не могу... – повторил мужчина, затравленно озираясь. – Вы знаете, что я не могу...

– Ты отдашь это, – произнес длинноволосый и переглянулся со своим спутником. Тот словно нехотя вытащил левую руку из кармана, на солнце сверкнуло широкое лезвие ножа.

Мужчина машинально дотронулся до заднего кармана брюк – и ничего не почувствовал. Карман был пуст. Он вспомнил смуглого мальчишку, мимолетное прикосновение руки – и понял, что произошло на площади.

– Ты отдашь это, хочешь или не хочешь! – процедил длинноволосый и снова переглянулся со своим спутником.

Коротышка взглянул куда-то вверх и вдруг резко выбросил вперед левую руку. Высокий рыжеволосый мужчина ахнул, как будто вошел в ледяную воду. Его колени подогнулись, и он упал, опрокинувшись на бок, потом перекатился на спину и замер, уставившись в выцветшее полуденное небо широко открытыми глазами. Коротышка наклонился к нему, быстро, сноровисто обшарил карманы и поднял на своего спутника удивленный взгляд:

– У него ничего нет!

– Как это? – растерянно переспросил длинноволосый. – Не может быть! Это должно быть у него!

– Смотри сам!

Коротышка встал и отошел в сторону, а длинноволосый принялся обшаривать одежду мертвеца. Он выбросил на песок бумажник хорошей кожи, расческу, носовой платок, шариковую ручку в позолоченном корпусе, билет на рейсовый катер...

– И правда у него этого нет, – пробормотал он раздраженно и в то же время испуганно. – Куда же он это дел? – Он еще раз проверил карманы, выпрямился и вполголоса с раздражением и страхом проговорил:

– Господин будет недоволен, очень недоволен...

«Господи, ну когда же это кончится? – с тоской думала Соня, глядя на абсолютно гладкое море. Было такое впечатление, что яхта скользит по зеркалу. Легкий, едва заметный ветерок ласково касался ее плеч и спины. Небо было необыкновенно яркого голубого цвета – впрочем, так всегда бывает на юге.

Яхта плыла вдоль берега, и Соня наблюдала живописные скалы, поросшие кое-где соснами или оливковыми деревьями. Кусты были сухие, цветов не было совсем – конец сентября, пусть море еще теплое и солнца много, но все же скоро осень.

– Какая красота, – послышался сзади женский голос. – Оказывается, бывает рай на земле.

Так и есть – Марианна. Вечно подкрадывается неслышно и пристает с бесконечными разговорами. Соня сжала зубы и едва сдержалась, чтобы не дернуть плечом.

– А я еще ехать не хотела, – продолжала Марианна, встав рядом, – думала, укачает на этой яхте, света белого не взвидишь. А тут не море, а зеркало, и купаешься как в озере, до того вода мягкая. Хоть целый день не вылезай.

Соня молчала, с тоской думая, как было бы здорово, если бы яхту сейчас резко качнуло и Марианна вывалилась за борт. И остальные пассажиры тоже, хотя все они, за исключением Сони и этой русской пары – Марианны и ее молчаливого мужа, были англичанами и просто так в разговор не лезли, если видели, что человек хочет побыть один. Ненахальная нация, уж этого у них не отнимешь.

– А вы, Соня, не боитесь морской болезни? – продолжала Марианна.

Молчать дальше было бы совсем неприлично, открыто послать подальше – вроде бы не за что.

– У меня есть таблетки. – Соня повернулась и нехотя сложила губы в приветливую улыбку.

– Английские? – В глазах Марианны зажегся понимающий огонек, и Соне тотчас захотелось ее убить.

– Наши, – сухо ответила она.

– Наши у меня тоже есть, – вздохнула Марианна. – Они что-то плохо на меня действуют. Спать хочу и вообще... Пока море спокойное, а завтра будем залив пересекать...

– Возможно, на берегу купите таблетки... – Соня кивнула на приближающийся берег, где был виден порт. Возле пристани стояли маленькие рыбацьи суденышки, нарядные катера и такие, как у них, двухмачтовые яхты, которые здесь назывались гулеты.

– Красиво... – вздохнула Марианна, – только лучше издали на это смотреть. Я уверена, ничего хорошего в этой деревушке нет, дыра дырой... – Она потянулась и добавила: – Уж аптеки-то я там точно не найду. И вообще, Алекс сказал, что лучше туда не ходить, там мы недолго стоять будем, только воду пресную возьмем и свежие продукты. Смотреть абсолютно нечего, покупать тоже, так что попусту по жаре таскаться? Алекс точно знает, он вроде в прошлом году здесь был...

Соня отвернулась и стиснула зубы так сильно, что заболели скулы. Господи, ну за что ей все это?

При упоминании имени Алекса в голове застучали сотни молоточков. Исключительно от злости. Ведь в том, что она оказалась здесь, на этом треклятом гулете, чтоб его черти забрали со всеми пассажирами и командой, виновата была только она сама. И еще Ангелина. Пристала к Соне как банный лист, вцепилась как пиявка – поезжай да поезжай, отвлечешься от своих неприятностей, да что там – вообще про них забудешь! Море, солнце, да еще такой мужчина рядом!

Соня тогда слабо возражала, что не нужен ей никакой мужчина, в ее состоянии на тех, кто в брюках, вообще смотреть невозможно.

«Ты, как всегда, все драматизируешь! – отмахивалась Ангелина. – Ну, подумаешь, хахаль бросил, эка невидаль! Не ты первая, не ты последняя, женщин с кучей детей бросают, мужики все до одного сволочи, а у тебя хоть оглоеды на шее не сидят. Сама себе хозяйка. Квартира есть, работа есть, с внешностью все отлично, молодая – тридцати еще нет. Эх, мне бы твои заботы!»

Тут она, конечно, кривила душой, у нее самой в личной жизни был полный порядок – имелся муж, не то второй, не то третий, и сын как раз недавно окончил школу и поступил в институт. Жили они в огромной квартире в центре, и единственной ложкой дегтя было наличие в этой квартире свекрови.

Муж был к своей матери очень привязан и ни за что не хотел ее отселять, хотя возможности имелись – он хорошо зарабатывал. Ангелина вполне могла бы бросить работу, но не делала этого, чтобы не торчать целыми днями в обществе свекрови.

Впрочем, ее живая натура требовала деятельности. Ангелина вечно что-то устраивала, с кем-то встречалась, о чем-то договаривалась, организовывала какие-то сборища, мимоходом успевая сделать и по работе кое-что, но не так чтобы много.

Начальство привычно вздыхало и говорило, что энергию Ангелины хорошо бы использовать в мирных целях. К примеру, маленькую электростанцию вполне можно было бы запустить, осветить небольшой поселок городского типа.

От начальства Ангелина тоже отмахивалась.

Соню она начала опекать с самых первых дней, как только та пришла в фирму. Несмотря на разницу в возрасте, они скоро подружились. Если честно, Ангелина была женщиной невинной и давала иногда толковые советы по части тряпок и внешнего вида. Она бы и насчет отношений с мужчинами могла просветить, только Соня никогда ни с кем не обсуждала свои отношения с Егором.

Соня привычно вцепилась в поручни, потому что за последние несколько месяцев, как только в мозгу вспыхивало его имя, сразу же начинала кружиться голова, и сердце пропускало пару-тройку ударов. Сейчас сердце билось ровно, только виски защемило резкой болью, но скоро прошло.

Марианна потопталась немного и ушла на корму. Там собрались все пассажиры – под тентом, на удобных диванах. Англичане потягивали коктейли, и две немолодые дамы, сестры-близнецы, пытались втянуть Алекса в разговор. Был слышен громкий смех, и Соня с необъяснимым злорадством подумала, что Марианна по-английски ни в зуб ногой и от этого чувствует себя некомфортно. Муж ее держался индифферентно, за столом молча ел, молча же плавал, а в оставшееся время спал в тени, накрывшись полотенцем.

Берег потихоньку приближался, ветер совсем стих. Уже стали видны разноцветные двухэтажные домики, круто уходившие вверх, в горы, и причал, и небольшая прибрежная площадь, и выгоревшие полосатые зонтики кафе.

«Выйти, что ли, на берег, хоть ноги разомну, подвигаюсь», – лениво подумала Соня и усмехнулась про себя: ясно, что Алекс на берег не пойдет, так она сможет хоть полчаса не слышать его смеха и не видеть ужасной фигуры в черном.

Да, подсиропила ей Ангелина отдых, нечего сказать. Хотела, как говорится, как лучше, а вышло... Но тут Соня сама виновата, нечего было ее слушать.

Ангелина прибежала как-то на работу с выпученными глазами.

– Сонька, ты не представляешь, что я узнала!

Соня тогда была в полной прострации, со времени ее расставания с Егором прошло три месяца, две недели и пять дней. Ну да, тогда каждый прожитый день ложился ей на душу тяжелым камнем. На работе она отвлекалась, делая над собой титанические усилия, потом

ехала домой, из последних сил следя, чтобы не сбила машина и не вытащили кошелек в метро, а потом, лежа в постели, ощущала, как давит и давит на сердце каменная плита.

Говорят, что была такая средневековая пытка – узнику клали на грудь и живот каменную плиту. Точь-в-точь такую, какая была на ней каждую ночь. Соня ворочалась без сна, не было сил даже встать, чтобы выпить воды, и забывалась только под утро тяжелым сном без сновидений, чтобы проснуться утром от звона будильника совершенно разбитой.

Так вот в один из таких невыносимых дней Ангелина ворвалась в комнату, как вихрь, и закричала:

– Сонька, я нашла для тебя выход!

– Какой выход? – вяло спросила Соня, отведя глаза от экрана компьютера.

Она делала вид, что занята работой, но как выяснилось буквально через несколько дней, никого ее вид не обманывал.

– Отличный выход из той ситуации, в которую тебя поставил твой урод и придурок!

Надо отдать должное Ангелине, она была целиком и полностью на стороне Сони, хоть и называла ее мямлей, рохлей и даже иногда в сердцах дохлой медузой.

Встряхнув Соню за плечи, Ангелина буквально выволокла ее в коридор и там, в закутке у лифта, понизив для приличия голос, ввела в курс дела:

– В институте у меня был приятель, то есть не у меня, а у одной девки из нашей группы. Она, понимаешь, в шахматной секции занималась, ну, и этот Сашка тоже. Смешной такой, толстый, уши оттопырены и какой-то простоватый, но в шахматах своих разбирался. С этой девицей, с Танькой, он вроде как дружил, а за другой, из нашей же группы, вроде ухлестывал. Однако безуспешно, она говорила – скучно с ним, говорит-то много, да все как-то не по делу, все не о том. Она уж и так ему намекала, чтобы отвалил, и этак – все без толку, совершенно не понимал намеков. Даже под столом от него пряталась, у нас ребята все ржали, а он все ходил и ходил. Ну, тогда она ему прямо все объяснила, на пальцах – отвали, мол, от меня срочно, чтобы я тебя долго искала и никогда не нашла!

– Дошло? – спросила Соня, потому что Ангелина явно ожидала от нее этого.

– Ну, когда прямо сказала, то дошло! – закивала Ангелина. – Потом он куда-то делся, а Танька эта, которая с ним общалась, говорила, что нашел он какую-то девицу, только у него с ней тоже ничего не вышло. Потом он в Чехию уехал на чемпионат по шахматам, там вроде кого-то подклеил, но все мимо. А потом мы институт окончили и на некоторое время друг друга из виду потеряли.

– Ну и что с того? – Соня сделала слабую попытку освободиться, однако Ангелина ухватила ее за руку крепче и настойчиво подтолкнула в угол, так, чтобы проходящие по коридору их не видели.

– Ты слушай, сейчас самое интересное начинается! Значит, через какое-то время встречаю я эту самую Таньку – на улице нос к носу столкнулись. А до этого я ни с кем из группы не встречалась – свои заморочки были, рожала, потом с мужем разводилась... в общем, обрадовались мы с Танькой, посидели в кафешке, она мне и рассказала про Сашку этого Фердмана. После института помыкался он, работы приличной не нашел, поскольку из какого-то другого города, так что связей здесь никаких. Ну, тогда вообще с работой плохо было, все разваливалось, сокращения большие шли. Ну и решил он эмигрировать. Поехал в Штаты, там работу нашел – все же институт у нас был хороший, потом язык выучил и окончил какое-то серьезное заведение по финансам. Танька рассказывала – приезжал недавно, встречались они, так просто не узнать мужика! Весь из себя упакованный, солидный такой, говорит уже с акцентом. В Англию переехал, банк там открыл.

– Ну надо же... – вставила Соня равнодушно. Ее совершенно не интересовал какой-то там незнакомый Сашка-банкир.

– Ты морду не вороти, а слушай дальше! – мгновенно разъярилась Ангелина. – Соберись, Сонька, теперь перехожу прямо к делу!

Соня удивленно посмотрела на коллегу – какие тут могут быть дела? Сплошной пустой треп...

– Значит, годы идут, – продолжала Ангелина, – с Танькой мы изредка встречаемся. Она, кстати, тоже прилично устроилась, в одной крупной фирме замдиректора. Так что ей болтать особо некогда. Но все же кое-какие сведения о Сашке до меня доходят. Значит, он женился там, преуспевает, богатеет на глазах, Танька с мужем к нему в гости ездила. Жена, говорит, англичанка, та еще стерва, Таньку терпеть не может, ревнует, что ли, хотя я свидетель, ничего у них в институте не было, дружили просто. Кстати, та девка-то, что ему от ворот поворот дала, очень об этом пожалела, да и все, кто его отшил, тоже. Еще бы, теперь он владелец крупного банка, инвестиционного фонда и еще черт-те чего. Мистер Алекс Фердман. Много проектов в России ведет, русский знает, очень удобно. А теперь слушай внимательно, важное скажу. – И Ангелина серьезно посмотрела на Соню. – Значит, последние новости такие. Звонит мне Танька и спрашивает, нет ли у меня на примете молодой женщины, симпатичной и здравомыслящей. И чтобы характер хороший был. И поясняет, для чего ей это нужно. Значит, пообщалась она намеренно с мистером своим, он и говорит, что развелся со своей английской стервой со скандалом и с большими финансовыми потерями. Она-то хотела его ободрать как липку, но он тоже не лох, подстраховался в свое время. – Ангелина перевела дыхание и продолжила: – Ну, это нам неинтересно, важно, что денег у него – куры не клюют. И будет еще больше. Короче, поставил он перед Танькой задачу – найти ему женщину приличную, молодую, чтобы жениться и детей завести. Он, мол, всегда детей хотел, а эта его бывшая женушка мало того, что стерва, так еще и родить не могла. И что ему мол, время дорого, поскольку самому уже сорок два года, нужно скорее, потому что детей еще вырастить надо. Русскую он хочет, чтобы дети все же свою историческую родину не забывали, а через брачное агентство действовать боится – там, говорит, подсунут такую пройду, что пробы негде ставить! Ну вот Танька и бросила клич по знакомым, а я как раз про тебя подумала...

Все это Ангелина выпалила одним духом, не давая Соне вставить ни слова, поскольку догадывалась уже, какими будут эти слова.

– Ты что – рехнулась? – Соня даже выпала из своего обычного унылого ступора. – Ты это серьезно?

– Еще как серьезно! – невозмутимо повторила Ангелина. – И вот какой вариант предлагает этот мистер. Он арендует яхту – не один, там еще будут люди, преимущественно англичане, поскольку круизная компания английская. И приглашает тебя...

– Меня?! – завопила Соня так громко, что проходящий мимо начальник заглянул в их закуток.

– А что это вы тут делаете? – удивился он. – Ангелина Сергеевна, вас Петров из Мосросинвеста с самого утра домогается, уже все телефоны оборвал.

– Иду-иду! – пропела Ангелина и, ткнув Соню кулаком в бок, прошипела: – Ты чего орешь, как будто тебя насилуют? Можешь спокойно выслушать меня? – И, поскольку Соня молчала, продолжила как ни в чем не бывало: – Вот такой вариант. Этот круиз длится всего неделю, и за это время вы сможете познакомиться и узнать друг друга поближе. И не сверкай ты на меня глазами, никто тебя не заставляет сразу же с ним в койку падать. Если хочешь знать, вы будете в разных каютах, Алекс все оплатит. Вылет через две недели, как раз билет успеешь купить. Ты только представь – море, солнце, и ты на палубе в новом бикини! Кстати, я такой магазинчик знаю – там очень приличные купальники, и со скидкой. Ну, согласна? Так я звоню Таньке...

– Нет, ну это невысказано! – вскричала Соня. – На что ты меня толкаешь?

– Да что такого? – возмутилась, в свою очередь, Ангелина. – Удивляюсь я на тебя. Ей такой шанс дали – жизнь свою изменить, а она еще сопротивляется! Что у тебя тут осталось? Егор твой тебя бросил – сама же говорила, что это окончательно! Так надо смириться и жить дальше! Ну, не вернется он к тебе, а если бы и вернулся, то на кой черт тебе такой подлец нужен?

– Но я не могу так сразу... – Соня, как обычно, растерялась перед напором Ангелины. – Человек незнакомый... и потом, я замуж не собираюсь...

– Ага, не собираешься... – ехидно сказала Ангелина. – Тридцать лет, а она замуж не собирается. Как бы время не ушло! И потом, кто говорит о замужестве? Может, ты ему не понравишься, тогда просто отдохнешь на море, да и вернешься. Чего ты боишься? Говорю же – не одни вы будете на этой яхте, никто тебя в море не выбросит.

– А какое хоть море-то? – сдаваясь, спросила Соня.

– Да какая тебе разница? – Теперь Ангелина рассердилась уже всерьез. – Ну, у берегов Греции где-то...

Дома Соня обдумала предложение и решила все-таки отказаться. Как-то это неприлично... Что она – девушка по вызову, что ли? Она серьезная, взрослая работающая женщина, знает себе цену. Этот Алекс первый не станет ее уважать, если она сорвется с места по первому его свисту. К тому же как-то это все скоропалительно, неожиданно, начальник наверняка не даст ей отпуск, потому что на следующей неделе ожидается большой заказ, и Соне он обещал к этому заказу повышение, то есть сделать ее главной. А если Ангелина считает, что это большой шанс, так пускай сама и плывет на яхте.

Но через три дня выяснилось, что с повышением Соня пролетела, как фанера над Парижем. Начальник ее не повысил, и когда она, сильно разозленная, явилась к нему в кабинет, объяснил почему. Оказывается, Соня несобранная, безответственная и последнее время совершенно не работает. Была, дескать, умненькая и толковая, и куда все делось? Он, начальник, краем уха, конечно, слышал о ее личной драме (зараза Ангелина!), но какое это имеет отношение к работе, он не понимает. Все личные дела надо оставлять за стенами фирмы, если хочешь добиться успеха в работе. Так что руководство новым заказом он, начальник, Соне поручить сейчас никак не может. Может быть, потом, в следующий раз, когда она преодолет личный кризис...

– Тогда я в отпуск ухожу, – буркнула Соня. – Мне полагается.

Начальник взглянул ей в глаза и не посмел противоречить.

Ангелине Соня поставила условие, что оплатит свой отпуск сама – и билеты на самолет, и каюту на яхте. Ангелина связалась через свою подругу с Алексом и получила добро.

– Ему еще и лучше! – хмыкнула Ангелина. – Ладно, я свое дело сделала, а ты уж сама там решаешь. Но если такого мужика упустишь – полной дурой будешь!

На том и простились.

И вот теперь, вспоминая все, что предшествовало ее поездке, Соня скрипела зубами от бессильной злости на себя, идиотку. Море и солнце, конечно, имелись, и яхта красивая и комфортабельная. И публика приличная – никто не лез с пустыми разговорами, даже Марианна обращалась достаточно редко. Но вот Алекс...

Первый раз они встретились уже на яхте.

Соня взяла такси и прямо из аэропорта поехала в небольшой городок на побережье, где ее ожидал гулет. Точнее должен был ожидать. А если еще точнее, он-то ее ожидал, но непонятно где.

Таксист – толстый смуглый грек – беспрерывно твердил: «No problem, lady», не слушая ее указаний, и наконец завез в какое-то подозрительное место на задах небольшого кафе. Две женщины в платках и парень вороватого вида посмотрели на Соню в удивлении.

– Это разве порт? – спросила Соня. – Это марина?

На ломаном английском таксист объяснил, что дальше никак не проехать и что нужно идти к морю пешком. Соне вовсе не улыбалось тащиться по жаре с тяжеленным чемоданом (Ангелина буквально заставила ее взять с собой кучу тряпок, чтобы произвести впечатление на банкира). Кроме того, здравый смысл подсказывал Соне, что к марине, где стоит множество яхт и других судов, должна быть хорошая подъездная дорога.

Нахальный таксист уже вытащил ее чемодан из багажника, и вороватый парень из кафе отирался рядом. Соня мгновенно собралась. Она вовсе не была рохлей и мямлей, как в сердцах обзывала ее Ангелина, просто в последнее время никак не могла оправиться от удара, нанесенного под дых. Никак не ожидала она такого от Егора. Никак не заслужила. Потому и оказалась беззащитной. Здесь же, в другом мире, она не то чтобы забыла о своей трагедии, но слегка опомнилась и вернула былую решительность и твердость.

Отпихнув локтем вороватого парня, она закричала таксисту, что если он высадит ее здесь, то не получит денег. Ни цента. На шум выскочил хозяин кафе и, бурно жестикулируя, объяснил таксисту дорогу. Тот снова заорал, что нет проблем, и начал кружить по узким улочкам городка.

Наконец впереди, в просвете между домами, показалось море и белоснежные дорогие яхты, скоростные катера и скромные рыбацьи суденышки, притулившиеся с краю. На причал выбежал симпатичный молодой матросик в белых шортах и футболке, обрадовался Соне как родной, подхватил чемоданы и на бегу объяснил, что все уже собрались, нет только ее и мистера Фердмана. А яхта, которую зовут «Принцесса Селина», готова к отплытию.

«Принцесса Селина» была хороша. Сделанная из темного дерева, с двумя стройными мачтами, она напоминала старинную шхуну. На носовой палубе стоял под тентом большой обеденный стол, кают-компания сверкала медью и полированным деревом. Везде было неправдоподобно чисто. Одна русская пара обрадовалась Соне, а англичане вежливо улыбались, пока агент круизной компании объясняла, как будет проходить их отдых.

Мистер Фердман задерживался. Его не было, когда команда сервировала чай на носовой палубе, его не было, когда агент простилась и ушла. Он прибыл, когда Соня распаковывала чемодан в каюте. Был слышен громкий смех, мужской голос говорил что-то по-английски, затем заработал мотор, яхта дрогнула и тихонько отошла от причала.

Плыли недолго. Соня переоделась и вышла на палубу, где загорали дамы. Перекинулась несколькими любезными словами с худой английской леди, которая тут же сообщила, что она профессор, преподает математику и имеет трех внуков. Соня едва удержалась, чтобы не пожать плечами.

Средний возраст ее попутчиков был примерно в районе пятидесяти. Это если брать в расчет Алекса с его сорока двумя годами и ее саму, которой исполнится тридцать лет в будущем месяце.

Вскоре городок скрылся из виду, и по сторонам потянулись бесчисленные островки – то каменистые, то поросшие густым лесом. Примерно через час рулевой застопорил ход, и гулет встал на якорь в крошечной бухточке. Берег был обрывистый, одна скала вдавалась прямо в море. Матрос спустил специальную лесенку прямо в воду – прозрачную и тихую, как будто в озере. Англичане оживились и бросились купаться.

Заходящее солнце шарило лучами по неправдоподобно теплой воде. Соня плыла, едва шевеля руками. Вокруг стояла удивительная тишина. Кто-то спускался по лесенке в воду. Соня подняла голову и оторопела. Ей показалось, что это двигается сказочное морское чудовище.

Человек, если этого монстра можно было считать человеком, был одет во все черное. Приглядевшись, Соня поняла, что это костюм аквалангиста. Только вместо маски и ласт на человеке были шляпа с широкими полями и очки для плавания, закрывающие пол-лица.

От неожиданности Соня остановилась на месте и хлебнула соленой морской воды. Закашлявшись, она ушла бы под воду, если бы ее не подхватили сильные руки.

– Плавать не умеете? – спросил по-русски тот самый тип в черном.

Оказывается, он уже успел спрыгнуть в воду. Если у Сони и оставалась надежда, что этот тип – какой-нибудь чокнутый англичанин, как они говорят «dotty», то теперь она поняла, что надеяться не на что.

Перед ней был мистер Алекс Фердман, очень богатый человек, банкир и бывший русский. Тот, кто искал в данный момент женщину, чтобы она родила ему детей.

И судьбе было угодно, чтобы они познакомились именно так: Соня беспомощно барахта-лась в бирюзовой воде, кашляла и отплевывалась, а этот тип держал ее за шкурку, как слепого котенка, и смотрел с легким презрением.

Насчет взгляда Соня додумала сама, за очками глаз Алекса не было видно. Зато была видна его усмешка, и голос покровительственный и слегка недовольный – вот, мол, хотел человек поплавать, а теперь приходится с этой тетехой возиться.

– Отпустите меня, – сказала Соня, – не утону.

– Уверены? – Он помедлил.

Вместо ответа она оттолкнулась и поплыла к яхте. Взобравшись на борт, оглянулась и заметила вдалеке вскипающие буруны – Алекс успел уплыть далеко.

Соня взяла чистое полотенце из стопки, что лежала на лавке, вытерлась и присела на какую-то деревянную штуку на носу, подставляя лицо заходящему солнышку. Было по-прежнему тихо и тепло. Алекс в воде разговаривал с той самой худой профессоршей. Кажется, речь шла все о тех же внуках.

Солнце склонялось все ниже, понемногу все забрались на борт. Соня ушла переодеться к ужину.

Как оказалось, это было совершенно необязательно – ее дорогая шелковая блузка абсолютно не смотрелась среди якорей и сложенных в бухты канатов. Все остальные были одеты просто, один англичанин щеголял даже в шортах.

На ужин подавали много овощей в разных видах и острые мясные котлетки, называемые кебабы. Вино нужно было заказывать за отдельную плату. Соня решила пока не пить – на всякий случай. Они с Алексом оказались по разные стороны стола. Вокруг него хлопотали две сестры, до неправдоподобия похожие друг на друга. Может быть, это и естественно для близнецов, но хоть бы одежду разную носили! Впрочем, Соню это совершенно не касалось.

Дополнительным огорчением послужило то, что она плохо понимала англичан. Она знала английский, и шеф ценил ее за это. Несколько месяцев назад Соня очень помогла ему при переговорах с представителями голландской фирмы. Но у ее соседей по яхте словно каша была во рту! Да еще тараторили как сороки, ничего не понять!

Украдкой она поглядывала на Алекса, а Марианна, которая сидела с ней рядом, перехватила ее взгляд и поняла все совсем не так, как было на самом деле. Она решила, что Соня интересуется Алексом, поскольку он – единственный одинокий мужчина на яхте. Что она поехала в отпуск одна с единственной целью – найти приличного денежного мужика. В представлении Марианны у всех молодых женщин в голове застряла только одна эта мысль. Марианна повернулась к мужу и что-то сказала ему, усмехнувшись. Соня приняла усмешку на свой счет и жутко разозлилась на Алекса. Надо же поставить ее в такое идиотское положение!

Тут она сообразила, что никто ее силой не тащил на эту чертову яхту, и злиться можно в данном случае только на себя.

Она отхлебнула холодной воды из бокала и закашлялась. Марианна с размаху хлопнула ее по спине, бокал опрокинулся, и вода полилась на скатерть. И снова Соне почудилась легкое презрение в глазах Алекса – дескать, вот ведь тетеха, за столом себя вести не умеет.

Солнце село, с моря потянул свежий ветерок, в тонкой шелковой блузке стало холодно-вато, и Соня едва дождалась конца ужина, чтобы уйти в свою каюту.

С палубы доносилась музыка и смех – англичане веселились вовсю. Соня переоделась и открыла уже дверь, чтобы идти на палубу, но вдруг поняла, что ей этого совершенно не хочется. Торчать там, вежливо улыбаться и поддерживать разговор об английских внуках – благодарю покорно! Послушалась Ангелину, не взяла с собой ни одной книжки – как же, твердила подруга, будет у тебя время читать! Тебе едва времени хватит, чтобы с мужчиной пообщаться и дать ему понять, что ты – именно то, что ему нужно!

Черт бы побрал Ангелину с ее советами! Пока что Соня не была уверена, нужен ли ей этот Алекс.

Она сердито захлопнула дверь и повалилась на кровать.

Яхту тихонько покачивало, сквозь дрему Соня слышала, как проходили по коридору ее соседи, потом наверху, на палубе, укладывалась спать команда. Наконец все стихло.

Проснулась она от плеска. Кто-то с шумом и брызгами прыгнул в воду с ее стороны. Соня выглянула в иллюминатор и увидела, как удаляется по воде шляпа с широкими полями. Алекс оказался ко всему прочему любителем утреннего купания.

В дальнейшем выяснилось, что свой гидрокостюм он не снимает никогда. Он в нем купался и сидел на палубе, причем в тени. На голове его была все та же шляпа, а очки для купания сменяли темные очки, закрывающие половину лица. Даже на ланч он пришел в том же самом гидрокостюме. Он не делал никаких попыток к сближению, и Соня решила, что ни за что не подойдет к нему первая. Для этого нужно было бы отогнать двух сестер, которые прилипли к Алексу как смола. В конце концов, она оплатила свое пребывание здесь из собственного кармана и вовсе не обязана быть с ним любезной!

Ей все в нем не нравилось: его голос, смех, этот дурацкий гидрокостюм, шляпа, очки и манеры. Невозможно было представить себя рядом с этим человеком. Что им делать друг с другом, о чем разговаривать? Детей он хочет... Какие дети могут быть от такого чучела горюхового?

По-прежнему стояла прекрасная погода, во второй половине дня гулет причалил к очаровательному островку. Многочисленные небольшие скалы образовывали каменные ванны, вода в них была почти горячей, легкие накатывающие волны создавали эффект джакузи.

Тут невозможно было злиться и расстраиваться, Соня поддалась общему настроению и решила просто отдохнуть. Алекса не было видно, он плавал где-то далеко.

Вечером кок жарил мясо на жаровне, установленной на носу прямо над водой. Соня заказала бокал красного вина к ужину, поболтала немного с пожилым англичанином с удивительно прямой спиной. Ну да, бывший моряк, сказал он и рассказал пару забавных историй о море. Речь его была правильной и четкой, и Соня понимала его хорошо.

После ужина англичане играли в бридж, дамы сплетничали, Соня же отошла в сторону, ей захотелось тишины. Уж что-что, а тишину здесь можно было получить самую настоящую. Яхта стояла на якоре у совершенно безлюдного берега, при свете было видно, как на скалистом берегу бродили козы, поедая скудные растения. Сейчас изредка раздавался звук колокольчика.

Над яхтой раскинулось звездное небо. Соня уселась в шезлонг и запрокинула голову.

– Это Кассиопея, – раздался рядом с ней баритон Алекса. Он подошел так неслышно, что она даже вздрогнула. – Вон там, видите, латинское дубль-вэ...

– Угу, – Соня поискала глазами.

Алекс в это время взял другой шезлонг, поставил его рядом и пожаловался:

– Замучили совсем эти сестры! Стрекогут как сороки. Еле вырвался от них.

Соня фыркнула.

– Так на чем мы остановились? – спросил он. – Продолжим для скорости с того же места.

– А мы и не начинали, – удивилась Соня.

– Да? Ну, процесс знакомства мы пропустим, – отмахнулся Алекс, – вам про меня небось все рассказали.

– Ну... в общем...

– Какое небо замечательное! – перебил Сою Алекс. – Вон там, смотрите, Большая Медведица. «Вселенная спит, положив на лапу с клещами звезд огромное ухо!»

– Чего? – оторопела Соня.

– Это Маяковского стихи, – любезно пояснил Алекс, – из школы помню...

– А-а...

– А вот на ручке ковша Большой Медведицы звезда Мицар... – Алекс не уловил сарказма в Сонином голосе. – Ее хорошо видно, а рядом с ней – звезда Алькор, она поменьше и не такая яркая. Арабы с их помощью проверяли зрение. Если человек видит Алькор – стало быть, зрение хорошее. Вы видите?

– Не вижу ни Мицара, ни Алькора, – буркнула Соня, – и Большой Медведицы не вижу, и Малой тоже.

– Вот как? – в его голосе прозвучало легкое удивление. – У вас плохо со зрением?

«Проверяет, – со злостью подумала Соня, – выясняет, все ли у меня в порядке. Еще анализ крови попросит сделать – на СПИД и на сифилис! Господи, до чего же противный тип! И еще неизвестно, что он там скрывает, под этим своим костюмом. Может, весь паршой покрыт или язвами...»

Она недовольно промолчала, Алекс же продолжал как ни в чем не бывало:

– Вы, наверное, плохо ориентируетесь, потому что все созвездия смещены. На северном небе все немного по-другому.

Вот почему ему обязательно надо указывать человеку на то, что он плохо делает? Плохо плавает, плохо разбирается в созвездиях... Себя небось умнее всех считает, уверен, что все делает лучше других. Самодовольный тип!

Тут Соня некстати вспомнила, что плавает Алекс действительно хорошо, просто профессионально, и от этого еще больше разозлилась. Однако небо накрывало яхту огромным бархатным ковром, и море едва слышно пошевеливало внизу волнами, и звезды на черном небе сверкали... сверкали как бриллианты. Соня едва не сказала этого вслух, но вовремя опомнилась – Алекс еще подумает, что у нее в голове только деньги и драгоценности.

Вдруг в небе произошло какое-то движение, и что-то яркое перечеркнуло черный бархат и упало в море, оставив ненадолго светящийся след.

– Ой, звезда упала! – воскликнула Соня. – Никогда такого не видела, только в книжках читала! То есть я знаю, что это не звезда, а метеор вошел в атмосферу, а кажется, что звезда прямо с неба...

Никто ей не ответил, только слышались странные ритмичные звуки. Соня повернулась к Алексу. Он сидел, откинувшись на спинку шезлонга, глаза его были закрыты, а из открытого рта доносилось легкое ритмичное посапывание. Мистер Фердман крепко спал.

«Вот урод!» – с веселой злостью подумала Соня.

Ей захотелось, чтобы в открытый рот Алекса влетела муха. Или лучше оса. Ну хоть комар захудалый. Но как назло не было никого, даже ночного мотылька. А жаль.

С этой мыслью Соня отправилась спать.

Ночью она ворочалась, потому что в каюте было душно и шумел движок. Под утро Соня решила, что с этим человеком, будь он не то что банкир, а хоть бы и сам Билл Гейтс, у нее не может быть никаких отношений. Понятно, отчего его жена бросила, еще неизвестно, такая ли уж она была стерва. Во всяком случае, Соне в присутствии Алекса ужасно хотелось совершить какой-нибудь антиобщественный поступок – стукнуть, к примеру, его по голове вон той розовой пенопластовой трубкой, которую пожилая профессорша с тремя внуками использовала в качестве спасательного средства.

Так что оставалось только терпеливо ждать конца путешествия на этой треклятой яхте. Да уж, устроила ей Ангелина поездочку. Запомнит ее Соня надолго, тем более что за все про

все отдала своих кровные две тысячи долларов. Ну и цены у них тут... А она не банкир, деньги едва не последние и уж точно не лишние. Ну да ладно, переживет как-нибудь, главное – неделю потерпеть. Но Ангелине обязательно нужно было по приезде сделать какую-нибудь гадость...

Нынче утром Соня смотрела на приближающийся берег с тоской и надеждой – все-таки какое-то развлечение, опять же, твердую землю под ногами почувствовать...

Никто из пассажиров не захотел составить ей компанию, так что Соня в полном одиночестве вышла на пирс и прошла мимо суденышек, среди которых затесались один-два гулета и военный катер с турелью для пулемета на носу.

На площади располагался небольшой импровизированный рынок.

На дощатых столах или прямо на земле были разложены какие-то керамические поделки – тарелки, расписные тарелки, миски, непременно кувшины, отдаленно напоминающие древнегреческие амфоры. Несколько столов заняли рыбаки с плетеными корзинами, полными свежей, сверкающей тусклым серебром рыбы и удивительных морских существ. Из одной корзины вылезали извивающиеся щупальца, среди которых вдруг мелькнул темный внимательный глаз осьминога.

– Леди, свежая рыба! – кричали ей вслед рыбаки. – Дорадо! Группер! Морской петух! Морской окунь! Купите у меня, у меня самая свежая рыба на рынке!

– Купите осьминога! – выкрикнул седой долговязый рыбак. – Живой осьминог – что может быть вкуснее! Если хотите, я вам приготовлю его по старинному рецепту! Я испеку его для вас в глиняном горшке с душистыми травами!

Рыбак вытащил несчастного осьминога из корзины, но тот явно не хотел быть приготовленным и, отчаянно шевеля влажными щупальцами, тарасился на Соню.

Она шарахнулась в сторону и отошла в ту часть рынка, где торговали керамикой.

Тут же на нее обрушились новые выкрики:

– Самые хорошие тарелки! Отличная посуда! Таких кувшинов вы не купите больше нигде!

– Купите амфору, леди! Настоящая греческая амфора!

Старик со шрамом через все лицо протягивал ей глиняный сосуд. Соня увидела донышко, на котором отчетливо виднелись буквы: «Made in China».

– Мне не нужно, мне ничего не нужно! – проговорила Соня, отталкивая «амфору», но ее не слушали.

– Настоящая греческая амфора! – повторял старик. – Я нашел ее под водой! Она пролежала на дне две тысячи лет! А может быть, даже две с половиной тысячи! Купите ее, леди, вы не пожалеете! Где еще вы можете найти такую драгоценность? Всего десять долларов, леди! Только десять долларов...

Соню хватали за рукав, толкали, тянули в сторону, кричали в ухо, зазывали, совали в лицо тарелки, чашки, бусы из ракушек, сувениры. Она уже пожалела, что сунулась на рынок, и думала, как бы унести отсюда ноги. Не забывая крепко придерживать сумку с деньгами, Соня шарахнулась в сторону, пробежала мимо прилавков с фруктами, вдохнула аромат всевозможных пряностей, миновала лоток с пучками травы, на котором было написано неверной рукой по-английски «чай». Что-что, только не чай напоминали эти веники.

Соня обогнула лоток и оказалась в маленьком тупичке, где стояло несколько столиков и пожилой грек варил кофе в горячем песке, прямо тут, на улице. Он кивнул Соне на столик, и она села, благодарно ему улыбнувшись. Через пять минут перед ней стояли высокий запотевший стакан с водой и крошечная чашечка кофе. Вода подействовала освежающе, а от кофе ушла пелена, что стояла перед глазами с самого утра, и боль в висках от бессонной ночи. Все предметы стали ярче, а звуки – слышнее. Соня с усмешкой подумала, что сейчас она разглядела бы те две звезды, что показывал ей Алекс вечером. И даже вспомнив об Алексе, Соня не почувствовала привычного раздражения.

Посидев минут двадцать, она вспомнила, что капитан не советовал ей задерживаться – дескать, если все пассажиры на борту, то они пополнят запас питьевой воды и продуктов, да и поплывут в более тихое место. Соня расплатилась с хозяином кафе и отправилась к пирсу. Но пошла не через рынок, а в обход – не хотелось, чтобы снова кричали в ухо и совали в руки всякую ерунду.

И вот, почти миновав шумный рынок, она наткнулась на смуглого чумазого мальчишку. Точнее, он сам выскочил ей наперерез и затараторил быстро-быстро, коверкая английские слова:

– Леди, купите сувенир! Очень хорошая вещь, очень старая и ценная! Всего десять долларов, леди!

– Не нужно, – Соня махнула рукой, – дай пройти!

Но мальчишка и не думал уступать ей дорогу. Подтянув сползающие драные шорты, он придвинулся ближе.

– Леди, вы непременно должны купить это! Я – круглый сирота, я сегодня еще ничего не ел, на эти деньги я куплю обед для себя и маленькой сестренки!

Он помахал перед Соней какой-то пластинкой. Будь это еще сегодня утром, Соня оттолкнула бы мальчишку и прошла мимо. Но сейчас, после чудесного кофе, все ее чувства обострились, и она схватила мальчишку за руку, чтобы рассмотреть странный предмет.

На грязной ладони лежала прямоугольная пластинка размером примерно шесть на два сантиметра, бурого цвета и непонятно из какого материала.

Мальчишка выдернул руку, и пластинка оказалась у Сони. На ощупь она была шершавая и очень тяжелая. Соня сжала ее в руке и вдруг почувствовала, что не хочет расставаться с этой вещью. Она не успела еще удивиться своему странному желанию, как малолетний прохиндей уже все понял и заверещал:

– Покупайте, леди, всего пятнадцать долларов!

– Ты же только что просил десять! – Соня опомнилась и крепче прижала к себе сумку.

– Леди, я должен кормить младшую сестренку! – завел привычное мальчишка.

Соня открыла кошелек, не доставая его из сумки, и вынула первую попавшуюся купюру. Это оказалась двадцатка.

– Держи, тебе повезло! – сказала она.

Мальчишка схватил деньги и исчез, как не было. Соня удивленно посмотрела по сторонам, но расслабляться было некогда. Расстояние до яхты она преодолела почти бегом. Матрос уже стоял на пирсе и крутил головой, высматривая ее.

В коридоре возле каюты Соне встретилась Марианна.

– Купили что-нибудь? – осведомилась она.

– Да нет. Так, кофе выпила на берегу.

– Алекс сказал, что на рынке пить ничего нельзя, – Марианна поджала губы, – ни чай, ни кофе, потому что они стаканы не моют...

«Да пошла ты куда подальше вместе со своим Алексом!» – Соня поскорее проскочила в каюту, чтобы Марианна не смогла прочитать эту мысль по ее лицу.

Смуглый чумазый мальчишка брел по пыльному, залитому солнцем переулку, поддавая ногой пустую консервную банку. Настроение у него было отличное: он заработал сегодня очень приличные деньги, так что может поехать в соседний городок и купить там игровую приставку, на которую уже давно с вожделением посматривал.

Он даже намекнул старшему брату, что хотел бы получить такую приставку в подарок на свой день рождения, но брат, как обычно, ответил коротко:

– Перебьешься!

Так что рассчитывать, как всегда, приходилось только на свои собственные силы.

Ну вот, теперь он заработал недостающие деньги...

Впрочем, слово «заработал» не вполне подходило к происхождению этих денег – сперва он украл у какого-то чокнутого иностранца дурацкую штуковину и тут же сумел продать ее глупой леди с гулета. Туристы все глупые – покупают разную дрянь, да еще платят за нее приличные деньги. Мальчишка рисковал, когда крал безделушку, так что можно сказать, что и заработал эти деньги. Теперь он просто радовался жизни.

Радовался солнцу, и легкому ветерку, дующему с моря, и шуршащим в кармане деньгам... Но тут прямо перед ним словно из-под земли вырос смешной лысый коротышка с темными выпуклыми глазами. Коротышка еще ничего не успел сказать, но мальчишка каким-то шестым чувством понял, что его ждут неприятности. Причем большие неприятности.

Мальчишка привык доверять своему шестому чувству. Оно не раз выручало его в трудных обстоятельствах, не раз спасало от трепки или каких-то более серьезных неприятностей. Так что он не стал раздумывать, не стал дожидаться, пока коротышка сообщит о своих намерениях, а резко развернулся, сложился пополам, как будто собирался нырнуть со скалы, и бросился прочь, не разбирая дороги...

В этом была его ошибка.

Не успел мальчишка пробежать и пяти шагов, как налетел на что-то твердое.

Точнее, на кого-то.

Мальчишка распрямылся, чтобы разглядеть это препятствие, и увидел сутулого типа в куртке армейского образца, чересчур теплой для жаркого греческого сентября. Еще у этого типа были темные волосы, завязанные в хвост, и узкие злые глаза.

Сутулый тип схватил мальчишку за ухо жесткими, как клещи, пальцами. Мальчишка попытался вырваться, но из этой попытки ничего не вышло.

– Извините, сэр... – пролепетал он специальным тонким голоском, который использовал, чтобы разжалобить иностранных туристов. – Извините, я не хотел вас задеть... я плохо вижу... отпустите мое ухо, сэр, мне очень больно!

– Отдай то, что тебе не принадлежит, – и я тебя отпущу! – проскрипел сутулый и еще большее прихватил ухо.

– Не знаю, о чем вы говорите, сэр! – жалобно проговорил мальчишка. – Вот вам крест, не имею понятия!

– Лучше отдай! – повторил сутулый и протянул свободную руку лодочкой. – Отдай похорошему, не зли меня!

– Правда, пацан, лучше ты его не зли! – раздался за спиной мальчишки другой голос.

Он извернулся, насколько позволяло ухо, и увидел того коротышку, из-за которого бросился бежать. Коротышка стоял позади, так что если бы даже каким-то чудом удалось вырваться из рук сутулого, бежать все равно было некуда.

– Отпустите меня, господи! – захныкал мальчишка. – Я круглый сирота! Я три дня не ел! Мне нужно кормить не только себя, но и мою маленькую сестренку!

– Прибереги эту туфту для туристов, – насмешливо проговорил коротышка. – На нас такая муть не действует.

Мальчишка понял, что коротышка прав – эти двое ничуть не похожи на дураков-туристов с круизных лайнеров или нарядных яхт. Тогда он решил применить другой метод и прошипел, как разъяренная кошка:

– Отпустите меня, козлы! Вы не знаете, с кем связались! Мой брат – Власис по кличке Джокер, он самый крутой дилер на этом острове! Он с вами разберется!

– Ох, как страшно! – насмешливо протянул сутулый. – У меня прямо поджилки трясутся! Ты слышал, Луиджи, – брат этого шпаненка сам Власис, первый парень в этой деревне!

Лысый коротышка зашелся хриплым смехом, а отсмеявшись, проговорил:

– Ну все, повеселились, и хватит. Давай для начала отрежем ему уши – все равно они ему без надобности, раз он не слышит, о чем его просят по-хорошему.

С этими словами он достал нож – хороший, настоящий, с длинным широким лезвием и удобной ребристой рукояткой, без лишних наворотов.

Теперь мальчишка по-настоящему испугался.

– Господа, – залепетал он прежним жалобным голосом, – я сделаю все, что вы скажете... все вам отдам... вы только скажите мне, что вам нужно!

– Ты украл одну вещь у нашего друга, – проговорил сутулый тип. – Отдай нам ее – и мы тебя отпустим.

– Ах, вы говорите о той дурацкой пластинке, которую я вытащил у лоха? – догадался мальчишка.

– Да, именно о ней! – и сутулый снова протянул руку.

– Но у меня ее нет... – выдохнул мальчуган. – Честное слово, у меня ее нет!

– Ты ему веришь, Луиджи? – с сомнением в голосе протянул сутулый.

– Верю! – отозвался коротышка, размахивая ножом. – Он смысленный парень и не стал бы врать нам с тобой. Он знает, что это не приведет ни к чему хорошему.

– Ваш друг говорит правду, сэр! – подхватил мальчишка. – Я не стал бы врать таким серьезным господам! Ни за что не стал бы врать! У меня правда нет той штуковины!

– Куда же ты ее дел? Показывай сейчас же и не говори, что выбросил ее в море, я тебе все равно не поверю!

– Нет, сэр, я ее не выбросил! Зачем выбрасывать? Я ее продал! Честное слово, я ее продал!

– Продал? – Сутулый сверкнул глазами и переглянулся со своим напарником. – Ты слышал, Луиджи? Этот маленький поросенок продал нашу вещь! Что нам с ним сделать – содрать с него шкуру? Сварить его в масле? Порезать на мелкие куски?

– Постой, – подал голос коротышка, – может быть, еще не поздно что-то сделать... – Он ткнул мальчишку кулаком в бок и спросил: – Кому ты ее продал, придурок?

– Я продал ее иностранной леди... – прохныкал мальчишка. – Она заплатила мне десять долларов...

Коротышка еще раз ударил его, на этот раз в живот, мальчишка вскрикнул и выпалил:

– Ой, простите, не десять – двадцать... если хотите, я отдам вам эти деньги...

Он полез в карман, но сутулый крутанул ухо и прошипел:

– Подавись своей двадцаткой! Лучше скажи, что это за леди, откуда она...

– Обыкновенная леди, – поспешно выложил мальчишка. – Туристка небось, богатая... выложила двадцатку и глазом не моргнула... с одной из тех яхт, которые пристают к берегу...

– С яхты? – переспросил сутулый. – С какой яхты?

– Я не помню...

– А ты постарайся вспомнить. Для своего же блага.

Голос у сутулого был такой спокойный, такой безразличный, что мальчишка перепугался еще больше и принялся рыться в своей памяти так, как будто от этого зависела его жизнь. Впрочем, она от этого и правда зависела.

Он вспомнил, как та женщина спустилась к пирсу... как прошла мимо военного катера, подошла к сходням и поднялась на красивый двухмачтовый корабль...

– Это был гулет! – выпалил мальчишка. – Двухмачтовый туристский гулет...

Он еще сильнее напряг память, вспомнил название, выведенное медными буквами на носу гулета, и с гордостью проговорил:

– Это был гулет «Принцесса Селина». А теперь отпустите меня, сэр!

– Погоди-ка, – процедил сутулый. – Ты мне еще не все рассказал. Как выглядела та женщина?

– Как выглядела? – Мальчишка задумался. – Обыкновенная туристка... как они все выглядят?

Для него все туристы были на одно лицо, ну разве что женщины отличались от мужчин, да и то не слишком: все мужчины щеголяли в шортах, а некоторые женщины носили юбки. А так – все тупые, богатые бездельники, у которых так легко выманить деньги...

– Все же, как она выглядела? – настаивал сутулый. – Блондинка или брюнетка? Молодая или старая? Толстая или худая?

– Старая! – не задумываясь ответил мальчишка. – Как Мелина из продуктовой лавки, ей уже скоро тридцать!

– Вот как? – Сутулый усмехнулся уголком губ. – Значит, скоро тридцать? А насчет остального?

– Ничего себе, – проговорил мальчишка, немного подумав. – Похожа на принцессу Пака-хонтас из мультфильма!

– Брюнетка, значит, – подал голос коротышка.

– Точно, брюнетка! – подтвердил мальчишка, вспомнив, как ветер подхватил волосы той женщины, облепив ее лицо. – И волосы такие же длинные... только глаза темнее, и такая... – он обрисовал в воздухе руками волнистый силуэт.

– Фигуристая, значит, – добавил коротышка. – Ну, такую найти будет нетрудно. Среди этих сушеных старых селедок молодая женщина не затеряется.

– А теперь отпустите меня, господа! – заныл мальчишка. – Я вам рассказал все, что знал... вы же мне обещали...

– Мало ли, что мы тебе обещали. – Сутулый выразительно переглянулся с напарником поверх головы мальчишки. – Никогда не верь тому, что тебе обещают!

И тут мальчишка завизжал так громко, что две горлинки, хлопая крыльями, взлетели со старой оливы.

Сутулый тип от неожиданности ослабил хватку, мальчишка нырнул под его руку, высвободив ухо, и, петляя, как заяц, бросился в дальний конец переуллка – туда, где в просвете между домами синело море.

Коротышка дернулся было за ним, но понял, что это бесполезно, и махнул рукой.

– Черт с ним, – проговорил он, покосившись на своего напарника. – Пусть живет. Он, по всему виду, парень не болтливый. Напоминает меня в таком же возрасте...

– Только мертвые не болтают, – недовольно протянул сутулый. – Впрочем, черт с ним, нам все равно некогда за ним бегать – нам нужно найти ту женщину с гулета...

Оказавшись в каюте, Соня положила пластинку на столик у кровати. На вид ничего особенного – грязная пластинка, покрытая бурой коркой. Только необычно тяжелая для своих размеров. Соня поскребла ее ногтем, и тут же посыпались какие-то крошки и пыль. Она решилась и вымыла странную вещицу под краном с мылом, затем тщательно просушила. Вода в раковине была черная, и на полотенце остались грязные разводы. Соня покрутила пластинку перед глазами и протерла ее ваткой, смоченной французскими духами, больше ничего подходящего у нее не было. Духи почти кончились, а пластинка осталась какой была.

Соня и сама не понимала, для чего возится с этой безделушкой. Столько времени потратила и денег. Не в том она положении, чтобы долларами разбрасываться. Начальник еще, может, рассердится, что она в отпуск ушла накануне важного заказа, и вообще с работы уволит. С палубы уже слышался гонг на ланч, а Соня все не хотела признать, что мальчишка ее просто надул. Она перебрала косметичку и наткнулась на пузырек жидкости для снятия лака.

– Рискнем! – произнесла Соня вслух и расстроилась – от одиночества она уже стала разговаривать сама с собой, а это ни к чему хорошему привести не может.

Щедрой рукой она плеснула жидкости на пластинку, и через некоторое время от той отвалились многолетние наслоения. Соня протерла пластинку мягким полотенцем и обомлела.

У нее на ладони лежала тщательно сделанная вещица, отсвечивающая тускло-желтым. Судя по тяжести, золотая. Судя по тщательности обработки, ценная. Судя по толщине наслоений, старинная.

На пластинке была выгравирована какая-то хищная птица с развернутыми крыльями. Клюв у птицы был воинственно изогнут, глаз смотрел прямо на Соню. Кто такой – орел, сокол? Ну, неважно. Над птицей всходило солнце, и лучи его заливали весь верх пластинки. А под ногами у птицы располагалась неполная луна. И в самом низу шли какие-то странные буквы. Соня, как ни щурилась, не смогла увидеть, какой это алфавит. Ну, не латиница и не кириллица, это точно. Квадратные какие-то буквы, странные...

Гонг прозвонил второй раз, нетерпеливо, и Соне послышалось в нем негодующее – что, мол, такое? Вечно ты копаешься, одну тебя ждем... Она схватила пластинку и заметалась по каюте, думая, куда бы спрятать ценную вещь. И снова ее пронзило странное чувство – она не могла и не хотела расстаться с этой вещью.

Соня внимательно рассмотрела пластинку и заметила в верхней части небольшую дырочку. Очень кстати!

Она сняла с шеи золотую цепочку и проткнула ее в дырочку на пластинке. Хорошо, что цепочка не самая тонкая, а то бы не выдержала. Соня ощутила, как странная вещь легла в ложбинку на груди, там, где у нее было довольно большое родимое пятно в форме четырехконечной звезды, и прислушалась к себе. Очень комфортно, не тянет, не давит, даже приятно ощущать некоторую тяжесть. Еще пластинка казалась теплой – так быстро нагрелась, что ли...

Соня уже взялась за ручку двери, чтобы идти, но остановилась и застегнула рубашку мужского покроя, которая была на ней, до самого горла. Чтобы никто не увидел ее приобретения. Это ее вещь, только ее, и она не собиралась никому ее показывать.

Алекса снова взяли в оборот две сестры – близнецы, Соня была этому очень рада и послала через стол всем троим обворожительную улыбку. Вот пускай он теперь с этими английскими гусынями звезды считает!

После ланча она расположилась на корме в тенечке. Яхта тихо плыла вдоль берегов, было жарко, на небе – ни облачка. Приходила Марианна, и Соня поскорее закрыла глаза, делая вид, что спит. Марианна потопталась рядом, покашляла деликатно, но Соня дышала ровно, и надоедливая тетка ушла. Убедившись, что никто ее больше не потревожит, Соня села в шезлонге, обняв колени, и уставилась на море за кормой.

Солнечные зайчики плясали в волнах, совсем как тогда в Черногории, когда они первый раз ездили отдыхать с Егором. Впрочем, нет, первый раз они ездили в Турцию. Потом на Кипр, потом – в Египет. Соне везде нравилось, везде, где с ней был Егор.

Они познакомились шесть лет назад... ну да, как раз в июле была бы годовщина их знакомства. Именно перед ней к Соне домой пришла Натэлла Александровна. Соня еще, идиотка этакая, обрадовалась ей как родной, чай пить усадила. Чтоб ей тем чаем каждый день на том свете захлебываться!

Соня на мгновение удивилась – раньше от таких воспоминаний начинало щемить в груди, перед глазами появлялась красная пелена, а в ушах – звон, теперь же вместо этого Соню охватила холодная злость. И лицо будущей, то есть бывшей свекрови она увидела перед собой четко, и все слова, что та говорила тогда, за чаем, услышала:

– Ты должна понять его, девочка. Егор уже давно перерос в этом городе все, у него другая дорога, другие масштабы. Там, в Москве, он достигнет значительных высот, он может получить то, что давно заслужил, то, к чему стремился многие годы. Ты, конечно, не можешь отрицать, что он очень много работал. И теперь, когда у него появился шанс, ты не должна ему мешать. Если ты его любишь, ты уйдешь в сторону. Уйдешь без скандалов и мелочных дразг, я всегда знала, что в тебе есть душевное благородство...

Она говорила и говорила, а Соня слушала ее и впадала в какой-то гипнотический транс, пока чашка не выпала из ее рук и остывший чай не пролился на колени.

Сейчас, как и тогда, Соня внезапно вздрогнула и очнулась. Исчезло стоявшее перед глазами лицо Натэллы Александровны – худое, смуглое, со множеством морщин, но со следами былой красоты. Красоты, но не доброты.

Они с Егором познакомились случайно – Соня забежала к подруге, которая работала в банке, и ждала ее на выходе, а та вышла не одна. Ничего такого у них не было, просто приятельствовали, подружка тогда как раз собиралась замуж за одного бельгийца... кстати, вскоре и вышла, и теперь жила в своей Бельгии, растила детей, не то двоих, не то уже троих...

А тогда она сказала, что Егор буквально на следующий день выпросил у нее Сонин телефон. Соня и сама не могла так просто выбросить Егора из головы. Как же он был хорош! Как он ей нравился! Как она влюбилась после первого же свидания!

Через месяц они стали жить вместе – он переехал в Сонину крошечную квартирку, которая осталась ей от бабушки.

Сонин отец умер рано, мама приняла его смерть плохо, никак не хотела смириться с одиночеством и едва ли не упрекала отца за то, что он оставил ее одну и почти без средств. Соня пыталась как-то наладить отношения с матерью, но ее коробило от тех несправедливых слов, что бросала мать в сердцах.

Прошел год, потом еще два, мать все не успокаивалась, только стала еще резче. Соне тоже надоело сдерживаться, несколько раз они крупно поговорили, после чего Соня занялась своими собственными делами – нужно было окончить институт и заработать хоть сколько-то денег на еду и одежду.

Потом мать съездила в отпуск и вернулась оттуда повеселевшая, с блестящими глазами, а через некоторое время в дом стал захаживать Петр Степанович. Увидев его, Соня поскорее отвернулась, чтобы не рассмеяться. Петр Степанович был низенький, кривоногий и плешивый, старше матери лет на десять. Видит Бог, Соня ничего не сказала, когда этот тип первый раз остался у них в квартире на ночь, и с матерью они этот вопрос не обсуждали. Справедливости ради следует отметить, что Петр Степанович вел себя прилично. Не лез к Соне с разговорами, не глядел на нее масляными глазками, утром не стремился раньше ее занять ванную, не входил в ее комнату без стука и вообще входил крайне редко. Однако мать отчего-то вбила себе в голову, что Соня ее новоиспеченного мужа презирает и унижает. Пару раз она пыталась высказать все Соне.

Благодаря ее стараниям атмосфера в квартире понемногу накалялась, так что, когда умерла бабушка, Соня тут же решила переехать в ее квартиру, не дожидаясь ремонта. Все трое приняли переезд с облегчением. Соня была занята работой и обустройством на новом месте, матери звонила редко. А потом в ее жизни появился Егор.

Первый год они были счастливы узнавать друг друга. А может быть, это только Соня была счастлива, теперь уж не узнаешь... Хотя нет, несомненно, им было хорошо вместе, Егор ее любил. Или позволял себя любить, опять-таки, теперь уже не спросишь.

Егор работал в санкт-петербургском филиале Мосбизнесбанка – сначала менеджером, потом старшим менеджером, потом каким-то небольшим начальником. Часто ездил в Москву – сначала на день, на два, затем регулярно, каждую неделю по понедельникам. Он был поглощен карьерой, много работал, все время повышал профессиональный уровень, изучал английский. Соня его стремления понимала, она и сама хотела найти приличную, хорошо оплачиваемую работу.

Постепенно Егор стал ездить в Москву на более долгое время. «В Москве – все, – говорил он, – там сосредоточена вся активная жизнь, а у нас – так, отголоски, как круги, которые расходятся по воде от брошенного камня...»

Шло время, Сониная влюбленность постепенно превратилась в сильное ровное чувство. Размышляя в одиночестве, когда Егор был в Москве, Соня поняла, что он ей очень подходит в качестве спутника жизни на долгое время.

А что? Годы идут, ей уже двадцать семь, пора определяться. Они любят друг друга, все у них хорошо – и в сексе, и вообще... Егор делает серьезную карьеру, так это же хорошо для семьи. Сейчас, конечно, время серьезных решений еще не пришло, но потом, через пару лет... Как раз тогда у него все определится с работой, можно будет подумать о квартире побольше.

Раньше Егор жил вместе с матерью, бывшей балериной. Натэлла Александровна после ухода из театра не работала, пока не умер ее муж, известный балетмейстер. Потом преподавала где-то танцы, пока Егор не стал зарабатывать приличные деньги.

Соне Натэлла Александровна нравилась – творческая личность, интересная женщина. Натэлла Александровна к Соне относилась неплохо, принимала у себя, иногда они даже ходили куда-нибудь вместе – в театр, на выставки, если Егора не было в городе. В общем, Соня была уверена, что Натэлла Александровна не будет против их брака. Будущее было безоблачно.

Потом Соне предложили работу в той самой фирме, где она сейчас и числилась, работы стало больше, так что, когда Егор стал уезжать в Москву на всю неделю, Соня восприняла это довольно спокойно. Она была так занята в будни, что еле успевала к выходным привести себя в порядок. В будни скучать было некогда, зато как прекрасно было проводить выходные только вдвоем, жить друг для друга.

О своей работе Егор рассказывал мало, Соня знала только, что там, в Москве, он стал начальником отдела и появилась возможность дальнейшего продвижения. Им было некогда разговаривать о работе, во всяком случае, Соня объясняла тогда его немногословность именно так.

Недели мелькали одна за другой, одно время года сменяло другое, Егор, уезжая в командировки, иногда стал прихватывать и выходные.

«В банке идет реорганизация, – говорил он, – нужно держать руку на пульсе, чтобы не упустить свой шанс». Соня тогда тоже закрутилась, да еще приближалось ее тридцатилетие, и она как раз хотела предложить Егору не устраивать пышного сборища в ресторане, а уехать вдвоем куда-нибудь далеко, к теплому морю... А там уж поговорить серьезно по поводу их дальнейших отношений. Время пришло, пора и определяться.

Оказалось, он давно уже все решил. А Соню держал за полную дуру, каковой она и была.

«Да не была я дурой, – тотчас поправила себя Соня, – просто Егору безоговорочно верила. Верила больше чем самой себе. Ведь мы были знакомы почти шесть лет, и за все это время он ни разу не дал мне повода усомниться в себе!»

Он не ревновал ее без причины, и сам не ухлестывал за случайными женщинами, оказавшимися в компании. Не пялил глаза на девиц, ни разу Соня не почувствовала от него запаха чужих духов, не находила затертый след губной помады. Конечно, она специально и не искала. У них все хорошо, считала она, редко, но так бывает. Егор занят работой и думает только о карьере, ему некогда, да и ни к чему искать приключений на свою голову. Ей повезло.

Ага, как же, повезло, как утопленнице.

Тогда, слушая Натэllu Александровну, Соня до того растерялась, что с трудом понимала очевидное, так что матери Егора пришлось прекратить словесный понос и объяснить ей все, что называется, на пальцах:

– Егору предложили в банке место управляющего отделением, и он переезжает в Москву.

– И что? – Соня по-прежнему недоумевала. – При чем тут я? Разве я ему мешаю?

Натэлла Александровна посмотрела очень выразительно, потом посуровела и сказала, что считала Соню умнее. Что в Москве дела делаются совсем не так, как у нас, что там все решают только связи, и что будь ты хоть семи пядей во лбу, без связей тебя даже в дворники не возьмут.

– Вы хотите сказать... – До Сони с трудом, но дошло, наконец.

– Я знала, что ты все поймешь правильно! – Натэлла Александровна перевела дух.

– Кто она?

Натэлла Александровна тут же заговорила снова – торопясь, захлебываясь словами. Какая разница кто? Просто женитьба на ней поможет Егору стать управляющим. Ее отец – один из директоров банка, и назначение будет подарком молодым к свадьбе.

Вот так вот.

Соня окаменела. А Натэлла Александровна, видя, что она не орет и не бросается на нее с кулаками, ослабила контроль и проговорила, что Егор упорно и целенаправленно окучивал эту девицу уже полгода, и вот его усилия увенчались успехом.

Разумеется, Натэлла Александровна не называла вещи своими именами, и Соня вроде бы не прислушивалась, она пыталась сдержаться, чтобы не грохнуться в обморок прямо сейчас, перед этой стервой. Но все ее слова отпечатались в Сониной памяти, так что потом, когда она в тысячный раз прокручивала в голове этот разговор, в висках начинали стучать отбойные молотки, а перед глазами вставала красная пелена.

Тогда же Соня, едва разжимая губы, сказала, чтобы Натэлла Александровна немедленно уходила. Та бормотала невнятно про то, что теперь Егор долго не приедет и что у Сони остались какие-то его вещи — безделушки, которые дороги ему как память, а Соне будет только хуже, если она станет на них постоянно наткаться. Дескать, у Сони сейчас будет трудный период, она, Натэлла Александровна, все понимает... В общем, выяснилось, что Натэлла Александровна заботлива, как мать родная.

Соня собрала последние силы и указала несостоявшейся свекрови на дверь.

А потом начался полный кошмар. Было такое чувство, что ей в живот врезалась каменная баба, какой ломают старые дома. Врезалась, да так там и осталась.

«За что?» – думала Соня, лежа ночью без сна. И тут же отвечала себе, что она тут ни при чем, что любовь к карьере оказалась у Егора сильнее всего. Ну ладно, допустим. Но отчего же нужно было врать ей все эти полгода? Сказал бы сразу, объяснил, что хочет жениться по расчету и ухаживает за московской девицей...

Неужели боялся, что Соня поедет в Москву бить ей морду? Или просто не хотелось трудного разговора, выяснения отношений? А может, обратно к матери не хотел переезжать... Шесть лет, шесть лет... и даже не нашел времени, чтобы поговорить по-человечески... Впрочем, вряд ли у них получился бы нормальный разговор.

Сейчас Соня прислушалась к себе и ощутила, что в груди нет никакой тяжести и сердце больше не болит. Очевидно, море, на которое она смотрела уже несколько дней, почти не отрываясь, сделало свое дело. Море и не такое видело за много тысячелетий, перед ним все невзгоды кажутся ерундой.

Конечно, противно было думать, что тебя использовали и отбросили, как половую тряпку, как фантик от конфеты. Но, как справедливо заметила Ангелина, то, что случилось с Соней, – это не конец света.

Конечно, хотелось бы отомстить Егору за подлость, но вряд ли она сможет это сделать – уровень не тот, теперь их дороги не пересекутся. Так что не стоит и ломать над этим голову. Нужно использовать эти дни для настоящего отдыха, а потом начинать жить самостоятельно, ни на кого не оглядываясь. Уж теперь-то она никому не станет верить, особенно мужчинам.

На горизонте снова возникла Марианна. Чтобы она не привязалась с разговорами, Соня подняла оставленную кем-то книгу. Книга была английская и без обложки, так что Соня не знала ни автора, ни названия, однако раскрыла ее и начала читать. К собственному удивлению, ей стало интересно.

– Долго ли еще нам суждено томиться в этой тюрьме? – спросил Рустичано. – Когда, наконец, мы увидим свет солнца?

– То мне не ведомо, – ответил тюремщик, хмуро глядя из-под низко нависших бровей. – Когда ваша родня заплатит выкуп господам из Синьории, тогда вас и отпустят. А мне до вас дела нет. Вы ли, другие ли пленники – мне все едино.

– Как можешь ты быть так суров! – воскликнул пылкий венецианец. – Ведь ты – такой же христианин, как мы...

– Оставь его, – оборвал своего товарища по несчастью господин Марко. – Он – простой человек и делает, что ему велят.

Тюремщик бросил на венецианцев хмурый взгляд, вышел из камеры и запер за собою дверь.

– У меня нет больше сил выносить эту муку! – проговорил Рустичано и заходил по камере, заламывая руки. – Увижу ли я когда-нибудь нашу благословенную Венецию? Увижу ли свою прекрасную Бьянку, или мне суждено до конца своих дней просидеть в этом генуэзском узилище?

– Потерпи, друг Рустичано, рано или поздно наши родичи заплатят генуэзцам, и нас выпустят на свободу...

– Легко вам говорить, господин Марко, – вздохнул Рустичано, опускаясь на свою койку. – Вы – человек немолодой, навидались в своей жизни всяческих чудес, а я почти ничего не видел... жизнь моя только началась – и вижу я, что ей суждено угаснуть среди этих мрачных стен!

– Не болтай ерунды, друг! Если бы ты знал, какие тяготы приходилось мне сносить во время моих странствий... впрочем, я начал тебе рассказывать о них. Может быть, я продолжу свой рассказ, чтобы убить время, а ты запишешь его для своих детей? Перо у тебя легкое, слог хороший, а я пока что помню свои похождения, так что деткам твоим будет интересно почитать о них зимними вечерами...

– Извольте, господин Марко. – Рустичано оживился, достал из своего сундучка перья и чернильницу, разложил на столе пергамент и приготовился писать. – Итак, мы закончили на том, что новоизбранный папа отправил вашего отца и дядю ко двору великого хана...

– Совершенно верно. – Господин Марко задумался, словно мысленно перенесся во времена своей молодости. – Его Святейшество послал господина Никколо и брата его Матео ко двору великого хана и дал им свои верительные грамоты. Господин Никколо взял с собою своего юного сына Марко...

– Вас, господин! – уточнил Рустичано, обмакивая перо в чернильницу.

Господин Марко неодобрительно взглянул на сокамерника, словно тот помешал плавному течению его воспоминаний, и продолжил, глядя перед собой, словно читая книгу своей памяти:

– Никколо, Матео и Марко взяли верительные грамоты Его Святейшества и отправились в путь из Константинополя. С собою они имели много дорогих товаров, чтобы продать их с выгодой и не бедствовать в дороге. Переправившись через Великое Море, пришли они в город Сарай, где правил татарский царь Берке. Этот татарский царь принял их с большими почестями. Никколо и его родичи одарили царя дорогими подарками, и он в ответ одарил их с великой щедростью, и многие товары купил у них по хорошей цене, и приблизил их к своей особе, и часто призывал к себе, и расспрашивал о жизни латинян и об их обычаях. Хотя и нравилось итальянцам гостить у царя, но им нужно было продолжать свой путь, дабы исполнить поручение Его Святейшества. Однако тут началась большая война между ханом Берке и его родичем, ханом Хулагу, царем восточных татар, так что идти дальше было опасно. Никколо и Матео посовещались друг с другом и решили, что негоже возвращаться в Константинополь, не выполнив поручения Его Святейшества, и отправились на восток окольными путями.

Господин Марко замолчал, словно вглядываясь в минувшее.

– Что же было дальше? – поторопил его Рустичано.

– Много дней шли Никколо, Матео и Марко по пустыне. Не было там ни городов, ни крепостей, только татарские кочевья, табуны коней, отары овец и войлочные юрты...

– Юрты? – переспросил Рустичано, услышав незнакомое слово. – Что такое юрта?

– Юрта – это складной татарский дом из жердей и войлока, – пояснил господин Марко, недовольный тем, что его перебили. – Когда татары переходят на новое место, они складывают юрту и грузят ее в свою повозку, на новом же месте снова ее ставят и живут в ней, как в настоящем доме, причем работу эту делают женщины. Слушай же, что было дальше. Много дней шли Никколо, Матео и Марко по пустыне и наконец пришли в Бухару. Бухара – богатый и прекрасный город, в нем множество красивых домов и тенистых садов, и в этом городе прожили итальянцы целых три года, потому что дальше идти они опасались по причине войны. Тем временем они продали много товаров по хорошей цене и завели знакомство со многими знатными татарами. По прошествии же трех лет в Бухару пришел посол Хулагу, царя восточных татар, направлявшийся ко двору великого хана Хубилая. Встретился тот посол с Никколо, Матео и Марко и очень подивился, поскольку никогда прежде не встречал латинян. И предложил он итальянцам идти вместе с ним к великому хану. «Послушайте меня, господа, – сказал тот посол Никколо и его спутникам. – Великий хан примет вас с почетом, ибо никогда не видел латинян. И будет вам большая прибыль, и ждет вас удача при дворе великого хана, а со мною путешествовать вам будет безопасно». Никколо и его спутники охотно согласились и отправились в путь вместе с татарским посланником...

На улице наступил вечер, и в камере стало совсем темно, Рустичано не видел больше пергамент и не мог продолжать записывать рассказ своего сокамерника, так что им пришлось прерваться до утра.

– Гляжу, вы обгорели... – раздался над Соней рокочущий баритон.

Это Алекс подошел, как всегда, неслышно и сказал неприятное.

– С чего вы взяли? – холодно удивилась Соня, отложив книгу.

– А как же? Сидите в тени, да еще и от солнца закрываетесь, – он показал на ее наглухо застегнутую рубашку.

Сам Алекс был, по обыкновению, в своем невыразимом костюме.

– Ничего я не обгорела, – проворчала Соня, – я вообще хорошо загораю и солнце люблю.

– Зря, прямые солнечные лучи вредны для северного человека.

– Вы поэтому в таком костюме все время ходите? – решила Соня на прямой вопрос.

– Ну да, – Алекс оглядел себя, – очень удобно, все тело закрывает. У меня кожа к солнцу очень чувствительна, совсем не могу на открытом месте находиться.

– Можно же кремом мазаться...

– Ну, это цистерну крема с собой возить надо! – вздохнул он. – А так...

«Ну, допустим, что его кожа не переносит солнечных лучей, – подумала Соня. – Все бывает. У меня самой неприятие некоторых сортов чая – начинается тошнота и сердцебиение. Но это не объясняет жуткую шляпу Алекса, можно же что-то приличное купить... И все равно он форменное чучело, и зануда к тому же».

Соня откинула спинку шезлонга и потянулась. При этом золотая вещица шевельнулась на груди, и Соня ощутила, какая она теплая. Странно, ведь она под рубашкой, на солнце накалиться не могла...

– Что это вы морщитесь, сердце давит? – встревоженно спросил Алекс. – Ну, так я и знал, на солнце перегрелись!

«Хоть бы он в воду свалился! – в сердцах подумала Соня. – Надоел своим брюзжанием – сил нет!»

Тут она подумала, что Алекс прекрасно плавает и от падения в воду ничуть не пострадает. Жаль.

Забегали матросы, капитан что-то закричал по-гречески, загремела якорная цепь. Англичане очнулись от дремы и собрались купаться.

К борту гулета подошел юркий белоснежный катер с плоской платформой на корме. За рулем катера сидел важный бородатый грек, рядом с ним вертелся смуглый паренек в красных шортах и такой же повязке.

– Кататься! – выкрикнул паренек, размахивая руками. – Парасайлинг! Господа, кататься! Пятьдесят долларов! Вы будете летать, как птицы! Кататься, господа!

– Это очень опасно! – тут же заявил Алекс. – Парашют может оторваться от троса, и его снесет в горы. Или в открытое море, что еще опаснее. А если оборвутся стропы, можно упасть с такой высоты... наверняка смертельно! Триста метров – это же почти высота стоэтажного здания!

Соня, которая еще минуту назад ни о чем таком не думала, внезапно решила. Она ступила на лесенку и сбежала по ней к воде – лишь бы не слышать самоуверенный голос Алекса, надоедливый и прилипчивый, как осенняя муха.

– Куда вы? – ахнула Марианна. – Вам же сказали, что это опасно!

Но тут возле Марианны показался ее муж, который против обыкновения не спал на корме. Он дернул жену за руку и пробурчал, чтобы не лезла не в свое дело и помалкивала. Кругом, мол, люди взрослые, сами знают, как себя вести. Уходя, он неожиданно подмигнул Соне.

Смуглый паренек подтянул катер к самому борту гулета, придержал его, пока Соня перебиралась с нижней ступеньки на катер, помог ей устроиться на скамье.

– Хорошо, леди! Кататься – очень хорошо! – радостно заверещал паренек и, запрокинув голову, закричал: – Кататься, господа! Кто еще? Кто присоединится к этой смелой леди?

Однако никто больше не соблазнился на его рекламу. Англичане читали или загорали, Алекс неодобрительно смотрел на Соню, уныло качая головой, как печальный верблюд.

– Поехали! – решительно проговорила Соня.

Бородатый грек кивнул и включил зажигание.

Катер понесся по крутой дуге, пересек бухту и вылетел в ослепительную лазурь моря. Соленые брызги летели в лицо, ветер срывал гребешки волн, и Соня почувствовала удивительную свободу. Все осталось позади – и занудный голос Алекса, и даже ее подживающая боль... только скорость, соленые брызги и свежий морской ветер.

Катер, сбросив ход, закачался на волнах. Смуглый парнишка ловко перелез через скамью, достал из-под сиденья комплект ремней и помог Соне надеть их. Она почувствовала себя неловко и неуверенно, как лошадь в неудобной упряжи. Парень помог ей перебраться на кормовую платформу, пристегнул ее «упряжь» к стальным карабинам на парашютных стропях, развернул парашют.

Розовое полотнище затрепетало на ветру, надулось, на нем появилась огромная улыбающаяся физиономия. Соня почувствовала, как стропы, натянувшись, потащили ее назад, но с другой стороны ее удерживал тонкий трос.

– Порядок! – Парнишка показал большой палец, нажал кнопку...

И Соня оторвалась от катера, взлетела и начала набирать высоту.

В ушах гудел ветер, катер удалялся, становился все меньше и меньше. Ее связывала с ним только тонкая линия троса.

Высота увеличивалась и увеличивалась, горизонт расширялся. Далеко внизу она увидела их корабль – изящные обводы гулета, мачты, свернутые паруса...

Она поднималась все выше и выше.

В памяти всплыли знакомые с детства слова: «Отчего люди не летают? Отчего люди не летают так, как птицы?»

Летают! Еще как летают! И вот она сама сейчас летает над бирюзовым морем, как птица!
Нет, не как птица – как осенний листок, летящий по ветру.

Соня почувствовала себя совсем маленькой и беспомощной под наполненным ветром шатром парашюта. Внизу, далеко-далеко под ней раскинулось выпуклое бирюзовое зеркало моря, по нему тут и там были разбросаны зеленые острова, где-то среди них стоял их корабль, но теперь и он стал всего лишь крошечной темной точкой на сияющей бирюзе, а катер... катер вообще было не разглядеть, он затерялся в просторе – и только тонкая нитка троса связывала с ним Соню...

Внезапно ей стало страшно.

Трос казался теперь тонкой паутинкой, которую может разорвать любой порыв ветра, и что тогда? Куда унесет ее ветер? В бескрайний простор моря или туда, где на горизонте синели горы? Или вообще – в бесконечную синеву неба?

Приступ страха был недолгим: она снова почувствовала восторг полета, восторг безграничной свободы...

Ей хотелось длить и длить это чувство, хотелось лететь выше, еще выше, в сияющую бесконечную пустоту, где безраздельно царило ослепительное солнце... Ей хотелось растаять, раствориться в его ослепительном сиянии...

Но трос дернулся, натянулся, и начался медленный, неотвратимый спуск.

Неужели время, отпущенное на полет, на абсолютную свободу, уже истекло? Соня вспомнила, что ей обещали пятнадцать минут, и пожалела, что не настояла на более долгом полете... Впрочем, это были самые долгие, самые восхитительные минуты в ее жизни!

Высота уменьшалась. Море приближалось, оживало, наполнялось подробностями. Вот уже гулет стал различим, Соня отчетливо видела его мачты, крошечные фигурки людей на палубе. А потом он скрылся за скалистым мысом, а внизу стал виден белоснежный катер, окруженный белыми гребешками волн. Рядом с катером на волнах качалась маленькая лодочка.

Трос сокращался, катер приближался, уже можно было разглядеть двух людей на борту...

Соня с удивлением поняла, что это вовсе не те, кто четверть часа назад отправил ее в полет. Вместо бородатого грека и его юного помощника на борту катера были двое незнакомцев – один сутулый, в куртке армейского образца, другой лысый, в выцветшей голубой рубашке с закатанными рукавами. В первый момент в Сониной голове возникла нелепая мысль, что она вернулась не на тот катер, с которого начался ее чудесный полет.

Трос, намотанный на барабан лебедки, укоротился до нескольких метров. Соня висела почти над самым катером, наполненный ветром парашют со страшной силой тянул ее назад, в небо, но трос держал на привязи.

Теперь она отчетливо видела незнакомцев – собранные в хвост волосы одного, наглые масляные глазки второго. Оба смотрели на нее с каким-то странным выражением.

Длинноволосый отпустил кнопку лебедки, и Соня зависла над самой палубой, трепыхаясь на ветру, как последний осенний листок.

Длинноволосый поднялся на ноги, протянул к ней руку и проговорил:

– Отдай нам то, что тебе не принадлежит! Отдай – и ты останешься жива.

– Что? – изумленно переспросила Соня.

Она еще была переполнена удивительным чувством свободы, удивительным чувством полета, и слова незнакомца медленно доходили до нее, как будто между ними было толстое стекло.

– Кто вы такие? – проговорила она растерянно. – И где тот бородатый, где мальчик...

Длинноволосый незнакомец инстинктивно покосился на кипящую за бортом бирюзовую воду – и Соня вдруг с ужасом поняла, что греков выбросили за борт. Происходящее казалось ей дурным сном, страшным сном, от которого невозможно проснуться.

– Кто вы? – повторила она вопрос. – И что вам от меня нужно?

– Я сказал, что нам нужно! – процедил незнакомец. – Нам нужно то, что ты купила у мальчишки! Отдай эту вещь – и мы отпустим тебя. А если не отдашь...

В руке длинноволосого сверкнул нож, он помахал им в воздухе возле натянутого троса. Соня представила, как лезвие ножа полоснет по тросу и в ту же секунду наполненный ветром парашют унесет ее обратно в небо. В первое мгновение это показалось ей заманчивым – снова вернуться в пылающую синеву, в ослепительную свободу полета. Но потом она представила, как ветер понесет ее в неизвестность, и от страха по коже пробежали мурашки.

Длинноволосый стоял на палубе катера, слегка покачивающегося на невысоких волнах. Он развел руки в стороны, чтобы сохранить равновесие. В правой сверкал нож.

– Отдай мне это! – повторил он нетерпеливо.

Только сейчас Соня поняла, о чем он говорит.

О той странной металлической пластинке, которую она купила у мальчишки на деревенском базаре и которая теперь висела у нее на шее, вычищенная и красивая.

Она машинально потянулась к этому украшению, дотронулась и почувствовала исходящее от него странное, живое тепло.

Отдать – и дело с концом!..

Она не знает, для чего этим двоим пластинка, но ей-то она совершенно не нужна...

Но что-то в ее душе противилось такому решению. Она успела сродниться с этой безделушкой, привязаться к ней, и жалко было отдавать ее этому странному типу. Соня в который раз почувствовала, что это ее вещь, только ее, и она не хочет и не может с ней расстаться.

Но иначе... иначе ей грозит страшная смерть!

Она вспомнила бородатого грека и его смуглого помощника – и в жаркий полдень ощутила ледяное дыхание смерти.

Отдать, немедленно отдать пластинку! Отдать – и забыть все, как страшный сон...

Она схватилась рукой за цепочку, чтобы расстегнуть ее... но тут в душу закралось страшное подозрение.

Этот длинноволосый человек вовсе не похож на того, кто держит свое слово. Кто ему мешает, получив свое, разделаться с Соней как с ненужным свидетелем, как он уже разделался с владельцами катера?..

Пока она не отдала ему пластинку, она им нужна, значит, у нее еще есть шанс, а вот потом...

Соня всегда мыслила здраво, это признавала даже Ангелина.

Злодей, должно быть, почувствовал ее колебания и, снова угрожающе взмахнув ножом, прокричал, перекрывая шум волн:

– Отдай немедленно – или тебе конец!

В это время из-за ближнего мыса стремительно вынырнул большой белоснежный катер. Он пронесся мимо по плавной широкой дуге, оставляя за кормой два расходящихся пенных буруна. Белая волна подбежала к дрейфующему катеру, сильно качнула его. Длинноволосый не удержал равновесия, взмахнул рукой... и лезвие ножа полоснуло по натянутому тросу.

Рот длинноволосого раскрылся в разочарованном крике, но Соня его не расслышала: наполненный ветром парашют со страшной силой рванул назад и вверх и в долю секунды унес ее далеко от катера.

Сейчас ощущения были совсем не такими, как в первый раз. Тогда она плавно, равномерно поднималась в небо, а сейчас ветер рвал и швырял ее, как осенний листок. Причем несло Соню не в открытое море, а к берегу. Через несколько секунд она с ужасом увидела несущийся навстречу каменный склон и зажмурилась, ожидая страшного удара...

Удара не последовало. Соня открыла глаза – и увидела, что склон стремительно проносится у нее под ногами, а парашют несет ее выше, к поросшей корявыми соснами горе.

Она попробовала потянуть парашютные стропы – говорят, так можно управлять парашютом, направить его в нужную сторону. Но стропы были так туго натянуты ветром, что с ее жалкими силами нечего было и думать изменить направление полета. Оставалось надеяться только на счастливый случай...

Ее снова тряхнуло, развернуло, подбросило, как мяч, послышался страшный треск...

И вдруг полет прекратился.

Соня висела вниз головой, медленно раскачиваясь.

Весь мир перевернулся: под ногами у нее, сквозь корявые ветви сосны, ослепительно синело небо, а над головой виднелись корни сосны, похожие на скрюченные артритом старческие руки, вцепившиеся в крутой каменистый склон.

Парашют зацепился за ветки сосны и трепыхался на ветру. То и дело оранжевое полотнище расправлялось, и показывалась нарисованная на нем улыбающаяся физиономия, словно кто-то огромный насмешливо наблюдал за Соней.

Висеть вниз головой было ужасно неудобно. Кровь прилиwała к голове, в ушах шумело, перед глазами расплывались разноцветные круги. Соня попыталась перевернуться, держась за парашютные стропы, но ей не хватало для этого сил.

Вдруг где-то совсем близко – непонятно только, внизу или наверху – раздалось отчетливое сухое звяканье. Соня попыталась повернуться в направлении этого звука, извернулась как могла – и увидела у себя над головой – то есть внизу – темные выразительные глаза в обрамлении шелковистых вьющихся волос.

– Помогите! – попыталась она выкрикнуть, но вместо крика получился жалкий, едва слышный лепет.

Снова что-то негромко звякнуло, затем послышался приглушенный цокот, темные глаза переместились – и Соня разглядела белую козу с колокольчиком на шее.

Если бы не ее нелепое и неудобное положение, Соня рассмеялась бы: надо же, она просила о помощи козу...

Но тут раздался негромкий вежливый голос, который проговорил по-английски:

– Одну минутку, леди, сейчас я вам помогу!

Соня закрыла глаза от удивления, открыла их... И увидела рядом с козой загорелого мужчину в поношенной белой рубашке и широких холщовых штанах.

Мужчина ловко вскарабкался на дерево, отцепил карабины от строп и помог Соне принять вертикальное положение.

Она уселась верхом на толстую ветку сосны и разглядела своего спасителя – загорелый, белозубый, с жесткими курчавыми волосами, в которых пробивалась обильная седина. На вид ему можно было дать лет сорок пять – пятьдесят.

– Ну, как вы? – проговорил Сонин спаситель, внимательно и озабоченно оглядев ее с ног до головы. – На вид серьезных повреждений нет, что удивительно! Я видел, как вас несло ветром, – это было зрелище не для слаонервных!

– Кажется, все кости целы... – ответила Соня, мысленно проинспектировав собственное тело. – Спасибо вам! Если бы не вы, я бы так и висела вниз головой, как летучая мышь...

– Пожалуй, что так. Кроме меня, на этом острове никого нет. Разве что козы, но от них толку мало...

– Спасибо! – повторила Соня. – Мне повезло, что вы оказались поблизости! Кто вы? Вы действительно живете здесь один? Ох, извините, я задаю слишком много вопросов...

– В самом деле! Вам нужно немного отдохнуть, прийти в себя, а потом мы обо всем поговорим!

Мужчина помог Соне спуститься с дерева, однако прежде чем увести ее с места падения, аккуратно свернул ее парашют, сложил в яму возле корней сосны и привалил тяжелым камнем.

Только поле этого он повел Сою в глубину острова по узкой тропинке, которая вилась среди низкорослых сосен, борющихся с морскими ветрами.

– Меня зовут Джон, – проговорил он после непродолжительного молчания. – Джон... Джонсон.

Соня подумала, что это имя не похоже на настоящее, но тут же устыдилась: этот человек спас ее, помог в ужасном положении, и она должна относиться к нему с доверием и благодарностью, а не ловить на каких-то нестыковках.

– А меня – Соня... София... – отозвалась она, стараясь не отставать от своего спутника.

– Так вы русская? – Он взглянул на нее с интересом. – А я-то думаю, что у вас за акцент!

В это время тропинка взбежала на холм, и Соня увидела каменистую площадку, на которой стояла приземистая хижина, сложенная из грубо отесанных камней и крытая черепицей.

– Вот мое жилище! – произнес Джон с затаенной гордостью и открыл перед Соней дверь хижины.

Внутри его жилище было обставлено более чем скромно: узкая складная кровать, стол, пара стульев, небольшой шкафчик, портативная газовая плитка.

– Вам нужно выпить чаю, – проговорил Джон и тут же поставил чайник на плитку, а затем достал из шкафчика яркую кружку и банку с притертой крышкой. – У меня особенный чай, он замечательно восстанавливает силы. Я сам собираю и сушу травы для него...

Соня хотела сказать, что не пьет никаких незнакомых чаев, потому что неизвестно, как отреагирует на них ее организм, но прикусила язык, решив не обижать своего гостеприимного хозяина.

Джон открыл банку, и по комнате распространился пряный волнующий запах сухих трав, запах жаркого лета.

– Вы действительно живете здесь один? – поинтересовалась Соня.

– Совершенно один! Ну, не считая коз.

– И вам здесь не скучно?

– Скучно? – Джон пристально посмотрел на нее. – Наоборот! Я отдыхаю здесь от суеты и шума больших городов. Одиночество – это так прекрасно! Впрочем, – спохватился он, – я очень рад вашему появлению... Ага, чайник уже вскипел!

Он насыпал в кружку щепотку заварки, залил кипятком и поставил на стол перед Соней:

– Выпейте, вы сразу почувствуете себя гораздо лучше!

Соня взяла в руки горячую кружку, подула на чай и осторожно отхлебнула.

Чай был действительно необычный, приятный на вкус, но она сразу почувствовала легкое головокружение и слегка заломило затылок. Так и есть, этот чай ей не подходит.

– Вам не понравилось? – спросил Джон, который внимательно следил за ней.

– Понравилось, – поспешно отозвалась Соня. – Только горячо, я немножко подожду...

В это время за дверью хижины раздалось негромкое блеяние, звякнул колокольчик.

– Я ненадолго покину вас, – проговорил Джон, вставая из-за стола. – Мне нужно позаботиться о своих козах.

Едва он вышел, Соня вылила остатки чая на пол. К счастью, пол был земляной, и чай моментально впитался.

Джон вернулся и первым делом взглянул на ее кружку.

– Ага, вы все выпили, – проговорил он удовлетворенно. – Это очень хорошо. Это замечательный чай, он быстро восстановит ваши силы.

– Спасибо, Джон! – искренне проговорила Соня. – Только мне нужно связаться со своим кораблем. Ведь меня наверняка ищут... Да, вот еще что, – взволнованно добавила она. – Когда я летала на парашюте... какие-то два человека напали на экипаж катера, сбросили их в море... надо об этом сообщить!

– А вот тут я вам ничем не могу помочь, – ответил Джон неожиданно сухо. – Мобильной связи здесь нет и никакой другой тоже.

– А как же вы поддерживаете связь с внешним миром?

– Никак, – Джон пожал плечами. – Раз в месяц сюда приходит лодка, мне привозят все необходимое. Тогда же я получаю почту и узнаю все новости.

– И когда же она придет следующий раз?

– Через две недели.

– А до тех пор...

– До тех пор вам придется погостить у меня.

– Но это невозможно! – всполошилась Соня. – У меня кончится отпуск... и вообще...

– К сожалению, ничего другого не могу вам предложить! А сейчас советую вам немного отдохнуть... – и он показал ей на кровать.

Соня и сама вдруг почувствовала неожиданную сонливость. Глаза у нее буквально слипались, рот раздирала зевота.

– Да, я, пожалуй, прилягу... – сонно проговорила она. – Но у вас здесь только одна кровать...

– Ничего, ложитесь, я себе сделаю еще одно спальное место.

Соня доползла до кровати, легла, закрыла глаза.

Ее что-то тревожило, какая-то неясная мысль, но бороться со сном не было сил, и она заснула.

Ей снилось, что она сидит в зале какого-то варьете, рядом с Ангелиной. Они смотрят на сцену – а там Алекс в своем умопомрачительном черном солнцезащитном костюме отплясывает канкан. Вокруг него столпились восхищенные зрители, они визжали от восторга и хлопали в ладоши.

– Какой мужчина! – шепчет Ангелина, сжимая Сонину руку. – Какой умопомрачительный мужчина! Не прозевай его! Не проспай! У тебя никогда не будет другого такого случая!

– Не проспай! – раздался в Сониней голове приглушенный голос – и она проснулась.

Судя по освещению в комнате, спала она совсем недолго и проснулась от негромкого голоса, раздающегося совсем рядом. Что-то подсказало ей не вскакивать с постели резко, не стонать со сна и вообще не шевелиться.

Приоткрыв глаза, она увидела Джона.

Он разговаривал с кем-то по необычному телефону – большому, с торчащей из него антенной.

«Ага, а мне сказал, что телефон здесь не работает! А я и поверила. Да тут где угодно телефон работает, хоть посреди моря!» – подумала она и прислушалась к разговору.

– Да, ее занесло сюда ветром на парашюте. Нет, она мне не мешает. Сейчас она спит, я напоил ее снотворным, она проспит несколько часов и ничему не мешает. Нет, в этом нет необходимости, я уверен, что она – совершенно случайный человек. Что? Да, она русская. Ну да, это еще ничего не значит, здесь очень много русских. Да, я это учту. Хорошо. Ну все, я пойду на наблюдательный пункт.

Он спрятал телефон и повернулся к Соне.

Соня закрыла глаза и постаралась дышать ровно, безмятежно, как будто крепко спала.

Джон подошел к ней, некоторое время постоял над кроватью, прислушиваясь к ее дыханию, и наконец вышел из хижины.

Соня открыла глаза и долгую минуту неподвижно пролежала, тупо глядя в потолок.

Похоже, что ее спаситель не так прост, как кажется.

Он не отдыхает здесь от городской суеты, а занимается каким-то тайным и подозрительным делом, а ее хотел усыпить, чтобы она не путалась у него под ногами.

Неизвестно, не попала ли она из огня да в полымя.

Хорошо, что выпила совсем немного его сомнительного чая, иначе бы проспала целые сутки и осталась бы в полном неведении.

А что ей делать сейчас?

Соня вскочила, подкралась к двери хижины и осторожно выглянула наружу.

На площадке возле хижины никого не было. В разные стороны от нее уходили две узкие тропинки: одна – та, по которой совсем недавно они с Джоном пришли, вторая круто уходила вверх по склону холма. В конце этой тропинки Соня заметила качающуюся ветку куста, которую кто-то только что потревожил.

Соня выскользнула из хижины и пошла по второй тропинке, вверх по холму.

Недалеко от двери паслась белая коза, рядом с ней семенил маленький черный козленок. Козы дружно подняли головы и проводили Соню неодобрительными взглядами. Должно быть, они считали, что не годится платить подозрениями за гостеприимство.

– Как-нибудь сама разберусь! – проворчала Соня.

Поднявшись до гребня холма, она остановилась.

Перед ней открылся широкий вид на бухту, с трех сторон окруженную скалистыми берегами. Бухта в обрамлении темных берегов казалась огромным сапфиром в оправе из старинного золота.

В этой бухте стояла красивая белоснежная яхта. Соня невольно залюбовалась ее стройным силуэтом – и вдруг боковым зрением заметила какое-то движение у своих ног.

Она перевела взгляд вниз и увидела ниже по склону маленькую скальную площадку, на которой, затаившись за грудой камней, лежал Джон. Разумеется, это не было его настоящее имя, но другого имени Соня не знала, и ей ничего другого не оставалось, как мысленно называть его этим именем.

Джон внимательно наблюдал за белой яхтой через какой-то массивный оптический прибор – черную трубу с надетой на него хромированной насадкой.

Со стороны моря донесся шум мотора, и в бухту стремительно влетел мощный катер. Он по широкой дуге подошел к яхте, остановился и закачался на волнах. Какие-то маленькие фигурки появились на палубе яхты с того борта, возле которого стоял катер, другие фигурки по трапу поднялись с катера на яхту. Яхта тихонько качнулась на волнах, повернулась, и Соня прочла ее имя: «Ариана» было написано латиницей. Красивое имя для яхты...

Снизу донеслось негромкое жужжание.

Соня снова взглянула на Джона и увидела, что он присоединил к оптическому прибору камеру и фотографирует яхту и катер.

Она вспомнила подслушанный разговор. «Я пойду на наблюдательный пункт», – сказал Джон своему собеседнику.

Значит, он не просто живет на этом острове – он за кем-то наблюдает. За тем, кто находится на этой белоснежной яхте... И за его гостями.

Джон беспокойно пошевелился, как будто почувствовал Сонин пристальный взгляд.

Соня отшатнулась от края холма и спряталась за куст дикого рододендрона, а немного выждав, вернулась в хижину и легла обратно на кровать.

Ей нужно было обдумать свое положение. Прежде всего нужно сделать так, чтобы Джон не узнал о ее наблюдении. Человек он, несомненно, серьезный и, судя по всему, занимается опасным делом. Ничего не значит, что он спас Соне жизнь. Если она станет ему мешать, то... Соня поежилась, потому что в голову лезли очень неприятные мысли. Однако, раз Джон наврал насчет телефона, вполне возможно, что у него есть здесь и лодка. Как бы до нее добраться...

Не успела она ничего надумать, как дверь хижины скрипнула, и появился Джон.

Соня закрыла глаза и снова стала ровно дышать, время от времени сонно посапывая для правдоподобия. При этом она осторожно взглянула на Джона сквозь полуопущенные ресницы.

Руки у него были свободны – видимо, он прятал свое оборудование прямо там, на наблюдательном пункте.

Джон осторожно приблизился к кровати и недолго постоял над Соней, прислушиваясь к ее дыханию.

Девушка сонно вздохнула, что-то бессвязно пролепетала и повернулась на бок. Успокоенный, Джон занялся какими-то своими делами.

Соня выждала еще немного, но, наконец, не выдержала и поднялась с кровати.

Снаружи доносились удары топора.

Соня опасливо покосилась на дверь и под влиянием неожиданного импульса сняла с шеи цепочку со злополучной пластинкой и спрятала ее в углу хижины, завалив сверху камнями. Только после этого она вышла наружу, демонстративно зевая и потягиваясь.

Джон в нескольких шагах от двери колот дрова. Увидев Соню, он отложил топор и выпрямился.

– Ну как, вы отдохнули? – спросил он, внимательно и настороженно оглядев девушку.

– Не знаю, что со мной случилось... – ответила она смущенно. – Почему-то так склонило в сон, еле дошла до кровати... со мной никогда такого не случалось... но теперь я себя отлично чувствую!

– Так бывает после стресса, – проговорил Джон с видом знатока. – Во всяком случае, сон очень полезен. Вы даже выглядите гораздо лучше, чем прежде.

– Конечно, спасибо за комплимент, но все же я хотела бы вернуться на яхту или хотя бы связаться с ней... меня наверняка ищут, беспокоятся...

При этих словах Джон помрачнел и ответил резко:

– Я вам уже сказал, что это невозможно. Мобильная связь здесь не работает, лодки у меня нет, так что вам придется некоторое время провести в моей компании...

Увидев, как вытянулось Сонино лицо, он добавил:

– А сейчас мы с вами поедем, и жизнь представится вам не в таком мрачном свете.

Он собрал в охапку наколотые дрова и ловко затопил расположенную прямо на улице печь. Скоро в чугунном котелке забулькало какое-то ароматное варево.

Джон расставил на столе под старой оливой яркие тарелки и глиняные миски со свежими овощами и травами, принес большую ковригу домашнего хлеба.

– Это крестьянская похлебка из козлятины с земляными грушами, – пояснил он, поставив на стол котелок. – Меня научил готовить ее один старый грек с Крита.

– Но ведь козлятина обладает очень резким запахом, – проговорила Соня, с опаской глядя, как Джон кладет в ее тарелку огромные куски мяса.

– Просто нужно уметь ее готовить, – ответил Джон самодовольно. – Весь секрет в том, что мясо нужно сутки вымачивать в кислом козьем молоке с диким чесноком и другими приправами. Тогда от неприятного запаха ничего не остается.

– Правда очень вкусно! – похвалила Соня, попробовав небольшой кусочек. – Только вы мне слишком много положили.

– Это вам только кажется, – усмехнулся Джон. – Appetit приходит во время еды. Уверяю вас – вы еще добавки попросите!

Действительно, Соня принялась уплетать похлебку за обе щеки.

Отломив кусок хлеба, она проговорила:

– А откуда у вас свежий хлеб, если лодка привозит продукты только раз в месяц?

– Я его сам пеку, в этой же печи! – ответил Джон, ни на секунду не замешкавшись.

Соня ела, то и дело исподтишка поглядывая на своего гостеприимного хозяина.

Кто же он такой?

Живет здесь один, как Робинзон Крузо, пасет своих коз, печет хлеб – и наблюдает за чьей-то яхтой при помощи современной техники... к ней отнесся вроде бы хорошо, но отпускать с острова не торопится...

Ну что ж, вроде бы в ближайшее время он не представляет для нее угрозы, так что можно приглядеться к нему и поразмыслить – глядишь, и представится какая-нибудь благоприятная возможность сбежать с острова и вернуться на яхту...

Ни на минуту не забывая делать безмятежное и глуповатое лицо, Соня продолжила с аппетитом уплетать похлебку и действительно подумывала уже о добавке. Кто его знает, этого Джона, если он поймет, что она догадалась, что он вовсе не такой безобидный островитянин, он может повести себя агрессивно. Ведь он не отпускает ее с острова, чтобы она никому не рассказала, чем он тут занимается на самом деле. Стало быть, нужно пока принять его правила игры и держаться спокойно.

Соня доела похлебку и только собралась протянуть своему хозяину пустую миску, как вдруг кусты за спиной Джона раздвинулись и раздался хриплый насмешливый голос с сильным акцентом:

– Приятного аппетита!

Джон вздрогнул и обернулся.

На краю поляны стояли те самые двое мужчин, которых Соня видела на катере. Долговязый тип с собранными в хвост темными волосами и лысый коротышка с наглыми масляными глазками.

– Не дергайся, приятель, если не хочешь схлопотать пулю! – проговорил долговязый и направил на Джона большой черный пистолет.

Сухо щелкнул предохранитель.

– Что вам нужно, парни? – забормотал Джон испуганным, непривычно высоким голосом. – У меня нет ничего ценного, только козы и эта хижина... мне не нужны неприятности...

– Если тебе не нужны неприятности, сиди тихо и не высовывайся! – процедил долговязый. – Если будешь правильно себя вести, мы тебя не тронем. Нам не нужны ни ты, ни твои гребаные козы. Нам нужна она, точнее, то, что у нее есть... – с этими словами он показал стволом пистолета на Соню. – Она отдаст то, что нам нужно, и мы разойдемся, как цивилизованные люди... Ты все понял?

– Понял, понял... – залепетал Джон. – Мне до нее нет никакого дела, делайте с ней что хотите, только меня не трогайте...

Соня с удивлением посмотрела на него.

Куда подевался тот сильный, уверенный в себе мужчина, который приютил ее в своей хижине? Сейчас перед ней был жалкий, смертельно перепуганный человек с дрожащими руками и жалким умоляющим голосом. Он даже казался теперь гораздо старше, ему можно было дать шестьдесят лет или даже больше.

Вдруг Соня заметила, как Джон сделал едва уловимое движение рукой, как будто что-то спрятал в рукаве своей рубахи... Или это ей только показалось?..

– Ну а если понял, так сиди и не рыпайся! – презрительно бросил долговязый, утратив интерес к Джону, и повернулся к Соне: – Ну что, красотка, соскучилась? Думала, мы тебя не найдем?

– Что вам от меня нужно?

– Ты прекрасно знаешь что. Отдай то, что тебе не принадлежит, и мы оставим тебя в покое!

«Как бы не так. Я знаю, что вы сделали с греками на катере. Стоит мне отдать вам пластину – и вы меня наверняка убьете...» – подумала Соня, пристально глядя на бандитов, но вслух сказала совсем другое:

– Ладно, я отдам вам эту вещь. Она мне вовсе не нужна. Только я хочу поставить одно условие...

– Ты не в том положении, чтобы диктовать нам какие-то условия! – выпалил коротышка, обходя своего напарника и приближаясь к Соне с угрожающим видом.

– Не горячись, Луиджи! – одернул его долговязый. – Почему бы нам не выслушать девушку? Цивилизованные люди всегда могут достичь компромисса! Итак, о каком условии вы говорите?

– На этом острове нет ни лодки, ни связи. Я отдам вам то, что вы ищете, а вы доставите меня на яхту. Или в такое место, откуда я смогу туда вернуться.

– Почему бы и нет? – промурлыкал долговязый и протянул руку. – Отдайте мне эту вещь – и мы сделаем все, о чем вы просите. Доставим вас в любую точку земного шара.

– Я ее спрятала! – ответила Соня, стараясь держаться как можно увереннее.

– Где же? – Долговязый постарался скрыть свое раздражение, но это ему плохо удалось.

– Здесь, на острове.

Произнеся эти слова, она покосилась на Джона – вдруг тот продемонстрирует свое удивление и тем самым выдаст ее. Но тот был совершенно раздавлен страхом и тупо смотрел перед собой, не прислушиваясь к разговору.

– Понятно, что не в сейфе «Барклай-банка», – ухмыльнулся бандит. – Нельзя ли поконкретнее?

– Я не смогу точно описать вам это место. Я вас туда отведу.

– Вот как? – Бандит криво ухмыльнулся. – Ну что же, веди прямо сейчас.

Соня встала из-за стола и шагнула к той тропинке, по которой поднималась, когда следила за Джоном.

– Э, нет, постой! – Долговязый подошел к ней, связал руки за спиной веревкой и намотал конец веревки на свою руку. – Вот так будет надежнее, а то, сама понимаешь, на горной тропинке могут случиться разные неожиданности.

Соня закусила губу от разочарования: она хотела попытаться сбежать от бандитов по дороге, но со связанными руками об этом нечего было и думать.

– Свяжи старика, Луиджи! – проговорил бандит и бросил напарнику вторую веревку. – Он пойдет с нами!

– Зачем он вам нужен? – спросила Соня. – Он не знает, куда я спрятала ту вещь.

– На всякий случай! – усмехнулся долговязый. – Не люблю оставлять кого-то за спиной. Джон как бы случайно оказался рядом с Соней и едва слышно прошептал:

– Попытайся по дороге отвлечь их внимание!

Соня удивленно взглянула на него: только что он производил впечатление окончательно сломленного старика, теперь же в его глазах на мгновение проявился прежний блеск...

Луиджи быстро связал Джона, и вся группа двинулась вперед по узкой тропинке – впереди шла Соня, показывая дорогу, за ней – долговязый бандит, за ним – Джон со связанными руками, и замыкал шествие коротышка.

На середине подъема Соня оступилась и охнула. Остановившись, она оперлась на левую ногу и повернулась к своему конвою:

– Кажется, я растянула ногу... может быть, даже вывихнула...

– Хватит выкобениваться! – рявкнул на нее бандит. – Мое терпение на пределе! Иди вперед, или я с тобой поговорю на другом языке!

– Очень больно! – проговорила Соня, но все же попробовала идти вперед. На лице у нее отразилось невыносимое страдание, и она присела на камень, беспомощно отставив ногу.

– Прекрати этот цирк! – крикнул долговязый и вытащил нож. – Все, мне надоело!

– Но мне и правда больно! Может быть, вы мне поможете?

– Чтоб тебя... – Бандита перекосило от злости. – Мои руки должны быть свободны... и я не собираюсь тебя развязывать...

– Но идти осталось совсем немного...

– Пусть она обопрется на меня, – предложил коротышка.

– Ладно, черт с тобой! – Долговязый развязал Сонины руки, но к одной руке все же привязал веревку, второй конец которой обмотал вокруг своего запястья.

Соня жалобно всхлипнула и поплелась за коротышкой, опираясь на его плечо. Теперь впереди всех шел Джон со связанными за спиной руками, за ним, опираясь на плечо коротышки и старательно хромая, тащилась Соня, замыкал шествие долговязый бандит с веревкой в одной руке и пистолетом в другой.

Тропинка сделала поворот. Впереди виднелась вершина холма. Времени оставалось совсем мало.

Вдруг Соня заметила, что Джон едва заметным движением что-то вытащил из рукава рубашки. Под лучами солнца блеснуло лезвие, и девушка поняла, что это – столовый нож, которым Джон во время обеда резал мясо. Соня громко охнула и всем весом навалилась на плечо коротышки, чтобы тот не заметил маневры Джона.

Коротышка чертыхнулся, оступился и сошел с тропинки в заросли колючего кустарника. Соня отступила вместе с ним, так что на тропинке остались только Джон и долговязый. Краем глаза Соня увидела, что Джон одним движением перерезал веревку. В ту же секунду он прыгнул, метнулся в сторону и одновременно бросил нож в долговязого. Тот выстрелил, но промахнулся, а тяжелый нож вонзился ему в горло за ухом. Из раны хлынула кровь, бандит хрипло вскрикнул и упал на землю. Джон молниеносно метнулся к нему, схватил пистолет и развернулся в сторону коротышки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.